

Малика Ферджух

МЕЧТАТЕЛИ БРОДВЕЯ

Уайс Трейс
Келли

Комтасайд

Малика Ферджух
Мечтатели Бродвея. Том
3. Чай с Грейс Келли
Серия «Мечтатели Бродвея», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67701543

Мечтатели Бродвея. Том 3. Чай с Грейс Келли: КомпасГид; М.; 2022

ISBN 978-5-907514-35-5

Аннотация

Завершение трилогии «Мечтатели Бродвея» – книга, которая расставит все по местам!

Ослепительный Нью-Йорк конца сороковых годов все так же кажется мечтой... И все менее достижимой.

Пианист Джослин, приехавший сюда из-за бесконечной любви к музыке, работает лифтером. Манхэттен – ассистенткой по костюмам, чтобы быть ближе к отцу, звезде Бродвея. Танцовщица Хэдли бросает все после многообещающего дебюта. Пейдж играет в радиоспектакле – и слушателям известен лишь ее голос, сама же актриса остается невидимкой. Топ-модель Шик изо всех сил пытается решить навалившиеся на нее проблемы. А восходящая звезда Грейс Келли грезит о независимости.

И пусть герои далеки от того звездного будущего, которого сами для себя хотели бы, они не перестают быть преданными

своему делу мечтателями Бродвея. А значит – все получится. Или настанет время сменить мечту?

Французская писательница Малика Ферджух (родилась в 1957 году) – автор десятков популярных романов для детей и подростков, лауреат престижной премии «Сорсьер» (Prix Sorcières). До того, как заняться литературой, она изучала историю кино – неудивительно, что трилогия «Мечтатели Бродвея» получилась романтической, как «Завтрак у Тиффани», пронзительной, как «Весь этот джаз», и атмосферной, как фильмы Вуди Аллена.

Прекрасный перевод Нины Хотинской сохранил на русском языке все обаяние оригинала. Финал знаменитой трилогии – долгожданнее, чем приглашение на чай с Грейс Келли!

Содержание

Действующие лица	7
Возвращение в прошлое	10
Весна 1949. Springtime. Happy time...	12
Do it again[4]	13
1. When you were sweet sixteen[10]	30
2. Again[13]	37
3. Dear hearts and gentle people[17]	51
4. Open the door, Richard![21]	62
5. Beg your pardon[25]	67
6. The donkey serenade[26]	83
7. Diamonds are girl's best friend[33]	95
8. Annie, get your gun[40]	104
9. Let's be buddies[44]	112
10. Oh lady, be good![48]	120
11. You're not the kind of a boy (for a girl like me)[56]	130
12. Pennies from heaven[59]	136
13. I'm looking over a four leaf clove[61]	145
Zip a dee-doo-dah!	151
Shoo fly pie and apple pan dowdy[62]	152
14. The gentleman is a dope[63]	160
15. Street of dreams[66]	171
16. Just in time[69]	179

17. Missing you[71]
Конец ознакомительного фрагмента.

192

195

Малика Ферджух

Мечтатели Бродвея. Том

3. Чай с Грейс Келли

*Моим кузиночкам, Кайне А. и Слими гёрлз,
памяти Нана*

Originally published under the title

Broadway Limited T. 3. Un thé avec Grace Kelly.

Written by Malika Ferdjoukh

© 2021 l'école des loisirs, Paris

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2022

Действующие лица

В ПАНСИОНЕ «ДЖИБУЛЕ», ЗАПАДНАЯ 78-Я УЛИЦА, НЬЮ-ЙОРК

Сестры, хозяйки пансиона

Миссис Селеста Мерл

Артемисия

Горничные

Истер Уитти

Черити

Их жильцы

Пейдж, актриса, студентка Актерской студии¹

Хэдли, танцовщица, которая больше не танцует

Манхэттен, танцовщица в ожидании

Урсула, очаровательная певица

Эчика, актриса, когда может

¹ *Актерская студия* – имеется в виду школа профессиональных актеров, режиссеров и драматургов, основанная в Нью-Йорке в 1947; среди ее основателей был будущий знаменитый режиссер Элиа Казан. С 1951 по 1982 годы студией руководил Ли Страсберг (Lee Strasberg, 1901–1982); потрясенный игрой актеров МХАТа, приехавших на гастроли в Америку, он решил учить молодых американских артистов системе Станиславского. Выходцами из Актерской студии Страсберга были многие звезды американского кино, в том числе Дастин Хоффман, Пол Ньюмен, Джек Николсон и др.

Джослин, студент-француз, пианист
Дидо, его соседка и гёрлфренд
Просперо, отец Дидо, киномеханик

В ГОРОДЕ

Ули Стайнер, звезда Бродвея
Уиллоуби, его костюмерша и наперсница

Рубен Олсон, его сын и секретарь

Лестер Лэнг, неверный возлюбленный и преподаватель

в Актерской студии

Гэвин Эшли, мутный возлюбленный Черити и продавец
ножей

Эддисон Де Витт, неуловимый возлюбленный Пейдж и
хроникер

Эрни, он же **Пробка**, возлюбленный из Кентукки, на-
живший состояние на пробке

Арлан Бернстайн, вечный возлюбленный и отсутствующий
солдат

Джей Джей, потерявший голову дыхатель Хэдли и на-
следник из высшего общества

Скотт Плимптон, сомневающийся возлюбленный Ман-
хэттен, детектив и отец семейства

Уайти, двуликий возлюбленный Шик и осветитель на сту-
дии

Слоан Кросетти, упрямец, влюбленный в Черити, и рас-
сылный

Силас, он же **Дрицл**, запретный возлюбленный Урсулы, музыкант и сын Истер Уитти

Баббер, вынырнувший из флешбэка воздыхатель Артемисии и утешитель

Молодой человек в очках, незнакомец, любитель падений и такси

МИМОХОДОМ...

Фергюс, ридер в крупном нью-йоркском издательстве

Миссис Чандлер, библиотекарьша в Гринвич-Виллидж

Лизелот, девять с половиной лет, инвалид, страстная читательница Диккенса

Мистер Акавива, ее папа, хозяин ночного клуба

Терри, коллега Хэдли в гардеробе клуба «Сторк»²

Миджет, продавщица фиалок, гуляет и поет из тома в том

ПРИГЛАШЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Вуди Аллен, **Марлон Брандо** ... и, конечно, **Грейс Келли**

² Клуб «Сторк» (англ. Stork-club – «Аист-клуб») существовал в Нью-Йорке, на Манхэттене, с 1929 по 1965 годы и собирал богатую элиту, в том числе сливки богемы. Считался одним из самых престижных ночных клубов в мире.

Возвращение в прошлое «Мечтателей Бродвея: Ужин с Кэри Грантом; Танец с Фредом Астером»

Всегда можно договориться: **Джослин**, 17 лет, француз, смог остаться в «Джибуле», уважаемом нью-йоркском пансионе, где принимают только девушек. Здесь он попадает в круговорот юных созданий без гроша в кармане, но богатых мечтами, страстями, тайнами...

Манхэттен, танцовщица, выдает себя за костюмершу, чтобы быть рядом со звездой Бродвея Ули Стайнером, которого преследуют охотники на ведьм из Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности... Актер не знает, что Манхэттен – его дочь, которую он бросил ребенком.

Шик, дорогая куколка, снималась в рекламе... и искала богатого жениха, пока однажды подросток по имени Аллан Конигсберг – будущий Вуди Аллен – не познакомил ее с Уайти, меланхоличным и замкнутым юношей, простым осветителем на Си-би-эс... Но кто он такой на самом деле?

Хэдли растит двухлетнего сынишку **Огдена**, выдавая его за своего племянника. Ее жизнь пошла под откос снежной ночью в поезде «Бродвей Лимитед». После многообещаю-

щего дебюта со знаменитым танцором **Фредом Астером** ей пришлось бросить всё. Поставив крест на карьере и личной жизни, она ищет **Арлана**, своего красавца-солдата, которого потеряла в результате нелепой ошибки. Теперь она не живет, а выживает. Это нелегко, хотя **Джей Джей**, кажется, не против ей помочь...

Есть еще **Эчика**, острая на язычок, но хороший товарищ. И оригиналка **Урсула**, которая поет и крутит любовь, взаимную, но запретную, с джазовым музыкантом **Силасом**.

Наконец, **Дидо**, соседка, бобби-соксер³, противница предрассудков и ярая поборница свободы, митингующая против ФБР и охотников на ведьм, в которую **Джослин** сразу влюбляется.

Пансионом «Джибуле» управляют миссис **Мерл** с сестрой **Артемисией**, чье бурное прошлое связывает ее незримой нитью с горячими юными сердцами 1948 года, полными решимости покончить с войной, такой еще близкой, в мире, где столько всего надо изменить.

³ Bobby soxer в Америке в 40-х годах прошлого века называли девочек и девушек – фанаток поп-музыки, и в частности певца Фрэнка Синатры.

Весна 1949. Springtime. Happy time...

Do it again⁴

Девушке открыл молодой человек. Деревянная дверь купе отъехала наполовину с натужным скрипом. Девушка осталась в коридоре, с большим саквояжем в каждой руке и дорожной сумкой через плечо. Дверь открылась недостаточно широко. Молодой человек нажал на створку, та протестующе закрипела и не поддалась.

– Передайте мне вещи, мисс. Без них вы войдете легко с вашей талией феи.

Он втащил саквояжи один за другим. Девушка вошла внутрь. Талия у нее и вправду была тонкая, гибкая, обтянутая твидовым жакетом живенького зеленого цвета.

– Мы были бы вправе ожидать комфорта и работающих дверей в таком поезде, как «Бродвей Лимитед», – сказал молодой человек, смешно подвигав бровями – они у него были густые. – Даже во втором классе.

Они были одни в шестиместном купе. Девушка отметила, что спутник быстрым жестом поправил галстук и бутоньерку. Она устроилась на сиденье напротив, рядом с дверью, оставшейся открытой – вернее, приоткрытой, так как створка не двигалась ни туда ни сюда.

– Спасибо, – сказала она, когда поезд тронулся. – Вы очень любезны.

⁴ Сделай это снова (англ.).

До следующей остановки девушка с увлечением погрузилась в роман, который достала из сумки на плече. Она перелистывала страницы, но, когда молодой человек в четвертый раз перехватил ее взгляд, она быстро отвела глаза и знала, что он делает то же самое, то сплетая, то расплетая свои длинные ноги. Наконец спутник спросил в унисон скрипу колес затормозившего поезда:

– Интересно?

На этот раз ее взгляд устремился прямо на него.

– Прошу прощения?

– Ваша книга... Хорошая?

– Чарльз Диккенс.

Тон был самую чуточку резким. Она, должно быть, это поняла, потому что смягчила ответ, показав ему обложку и название. Он кивнул, но ему это ничего не говорило. Его брови снова приподнялись одновременно с уголками рта. Ее же лицо оставалось бесстрастным, а про себя она думала, что эти брови, этот подбородок, эта улыбка вместе составляют потрясающий мужской облик.

Он наклонился, чтобы продолжить разговор... В эту минуту дверь открылась. И открылась настежь, покорная высшей силе! Сразу сдавшись, деревянная створка лишь тихо взвизгнула.

– Кто-нибудь может мне помочь? – спросила вновь прибывшая при зонтике, серых буклях, маленькой овальной сумочке и плетеной корзинке, говорившей «мяу».

Она устремила черные глаза на молодого человека. Тот вскочил, извинившись, и поспешил освободить ей руки и убрать вещи в сетку; корзинку она оставила при себе. *Высшая сила* не была очевидна физически: попутчица выглядела хрупким созданием, в костюме, шляпке и перчатках серого цвета, как и подобает вдовствующей даме из Новой Англии, но ее жест и «спасибо» были властными донельзя. Она села на расстоянии двух мест от молодого человека, тщательно осмотрев сиденье и смахнув пыль, видную ей одной. Было ясно, что перед ней даже мятежная дверь предпочла капитулировать.

Молодой человек замкнулся в молчании, девушка погрузилась в чтение. Даже «мяу» в плетеной корзинке стихли.

Так продолжалось до самого Вестлонг-Бриджа. Тогда вдова с серыми буклями сняла перчатки, открыла овальную сумочку, достала сэндвичи, завернутые в большую девственно-чистую салфетку, и спокойно принялась подкрепляться.

Молодой человек начал заметно нервничать. Девушка, опустив глаза, не отрывалась от Диккенса, но отчего-то застревала на странице. Когда, проглотив третий сэндвич, дама открыла термос, из которого запахло горячим кофе, молодой человек не выдержал и, как подброшенный пружиной, вскочил, стукнувшись головой о багажную сетку.

– Я пойду принесу поесть, – сообщил он, потирая макушку. – Мисс... Желаете... Могу я вам принести...

– Я... Спасибо, нет, не думаю, – пробормотала девушка

и снова погрузилась в чтение с микроскопической улыбкой на губах.

Юноша вышел. По крайней мере попытался, потому что дверь (она узнала его, плутовка) воспротивилась. Он протиснулся боком, по-крабьи, в пространство, которое негодьяка ему уступила, и скрылся в коридоре.

– Какой кипучий парнишка, – констатировала старая дама, надкусив сэндвич с яйцом и тунцом.

Она отпила глоток из чашки и добавила:

– Эта суета просто неприлична, не правда ли? Вы заметили, как он на нас смотрел? Особенно на вас! – поправились она, прожевав. – Я уверена, что он знает наизусть, сколько у вас веснушек и где они расположены.

Девушка, смутившись, поспешила перевернуть страницу. Дама вытерла пальцы белой салфеткой и аккуратно сложила ее в восемь раз. Щелчком поправила шляпку на голове, надела перчатки. Девушка взглянула на нее поверх книги, и дама ей улыбнулась – так улыбается человек, которого тянут за волосы, а он не хочет показать, что ему больно.

– Я выхожу на Пушерс-Кроссинг, – по-шпионски прошептала она. – Через полчаса. А вы?

– Я до конечной. Нью-Йорк.

– А он? Вы знаете?

– Ей-богу, нет. Мы почти не говорили.

Дама нагнулась и тронула ее за руку. Сквозь перчатку ее пальцы казались кучкой перемешанных костей в шелковом

мешочке.

– На вашем месте я перешла бы в другое купе или в другой вагон. Нельзя ехать наедине с мужчиной до самого Нью-Йорка.

– Может быть, он сойдет раньше. И наверняка придут еще пассажиры.

Девушка вздохнула, чувствуя себя обязанной объяснить:

– У меня три огромные сумки, их придется перетаскивать, и...

В эту минуту появился молодой человек, сияя, нагруженный провизией: закусками, бутылками, стаканами. Он не стал и пытаться отодвинуть дверь... К чему сражаться с враждебной материей?

– Вот, мисс. Теперь будет чем заняться до конечной. И даже если вы сходите раньше, нам не помешает подкрепиться.

Нам?

Он откинул столик и выложил на него свой груз (сэндвичи, холодная курица, пирожки, фрукты, содовая), украдкой победоносно поглядывая на вдову в перчатках. Та бросила тяжелый понимающий взгляд на девушку.

– Вы очень любезны, – сказала девушка. – Но я же сказала вам, что не хочу...

– Я покину этот поезд в сердце Пенсильвании, – улыбнулся он. – Вашему желудку остается четыре часа, чтобы передумать. А вы куда едете?

Девушка почувствовала, как два черных зрачка из-под се-

рых буклей вонзились ей в правый висок, точно гвозди.

– В... в Нью-Йорк, – ответила она нерешительно, в то же время кусая губы, чтобы не расхохотаться.

Долгий вздох вырвался из ноздрей дамы. Девушка отвернулась к окну, чтобы избежать двух устремленных на нее взглядов. Вытянув ноги, молодой человек принялся за курицу. Съев два-три куса, он протянул ей пакетик.

– Ну же, мисс. Возьмите. Вы голодны, я знаю. Когда вы сейчас читали, у вас урчало в животе.

Из угла с буклями раздался возмущенный вскрик. Девушка не смогла удержаться от нервного смеха.

– Вам очень идет, мисс.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Ваш смех.

Слегка выведенная из равновесия, она все же взяла пакетик, который он по-прежнему протягивал ей, и почувствовала, как на ее плечи навалилось все неодобрение Новой Англии.

– Спасибо, – сказала она. – Я проголодалась, это правда. Я ждала полудня, чтобы пойти в вагон-ресторан.

Он просунул кусочек курицы между прутьями корзины. «Мяу» тотчас схватил его. Дама притянула корзину к себе. Молодые люди переглянулись, заглушая что-то рвущееся из сжатых губ. Девушка, глубоко вдохнув, сказала:

– Меня зовут Гуинивир Вихаукен-Хоукинс.

Он уставился на нее, чуть наклонившись вперед.

– Немного замысловато, согласна. Поэтому все с рождения зовут меня Джинджер. Мистер Джон Джонс, служащий загса в Спринг-Рокс, единственный помнит мое полное имя.

Молодой человек встал на свои длинные ноги, отвесил ей поклон и снова сел.

– Вам чертовски повезло, Джинджер. Мое имя служащий загса в Мерианвилле, где я родился, так никогда и не смог правильно произнести.

Он повернул лицо с густыми смешливыми бровями к окну, за которым зеленые холмы колыхались с изяществом восточных танцовщиц.

– А... как вас зовут? – осведомилась она после приличествующего случаю промедления, говорившего о ее хорошем воспитании.

Одним прыжком он пересел на сиденье поближе к ней под искренне потрясенным взглядом дамы, съездившейся за своей корзинкой. Было слышно, как она ломает косточки внутри перчаток.

– Верно, простите, я не представился. Фридрих-Гюнтер Фройденкерлештурм.

После паузы (полной смущенного ожидания для него, восхищенного удивления для нее) оба прыснули. С противоположного сиденья послышалось «гм-гм» и следом нерешительное «мяу».

– Ах! Вы уложили меня на лопатки, мистер Фредель... шт... ш-ш-ш.

– Фройден-керле-штурм. Когда-нибудь вы научитесь. Когда-нибудь?

– Боюсь, что нет, – слабо возразила она.

– Пушерс-Кроссинг! – крикнул контролер в коридоре.

Дама встала. Фред тоже поднялся, чтобы помочь ей вытащить сумку и корзинку с «мяу». Дверь, у которой не было никакого резона удерживать серую особу, маленькую, но стойкую, как сталагмит, отодвинулась и выпустила ее без колебаний и без скрипа. Короткое «спасибо», короткое «всего хорошего», и маленькая серая особа покинула купе, а потом и поезд.

Издали с перрона до них донеслось прощальное «мяу».

Поезд, испустив бесконечно долгий вздох облегчения, тронулся дальше. Они молчали. К облегчению надо еще привыкнуть.

– Мои родители из Уэльса, – заговорила наконец девушка. – Я избежала массы непроизносимых имен, Таннинибуолш, например, или Ллиуэллафлоу.

Он поправил шляпу, съехавшую на одно ухо.

– Когда мой дедушка Отто высадился в тысяча девятьсот третьем году в Новом Свете, он отказался сокращать свою фамилию, не в пример большинству мигрантов, которые пересекли океан вместе с ним. Когда на острове Эллис⁵

⁵ Эллис – остров в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка. Был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 по 12 ноября 1954 года.

чиновник иммиграционного ведомства предложил ему сменить Фройденкерлештурм на... Шоун, дедушка Отто ответил: «Оставив все в Старом Свете, неужели надо отказаться и от своего имени? Шоун!.. Я похож на ирландца? Я Фройденкерлештурм и Фройденкерлештурмом останусь!» Он выдал все это наполовину на немецком, наполовину на английском, освоенном на вечерних курсах. Чиновник слишком устал, или ему не доставало воображения, в общем, он махнул рукой. Должен сказать, хоть мне и приходится повторять ее десять раз и произносить по слогам одиннадцать, я в конце концов полюбил свою фамилию.

Девушка приняла стакан содовой, который он поставил на столик, и стала потихоньку пить.

– Вы не возражаете, если я буду называть вас... Фредом? – спросила она через некоторое время.

– Никоим образом... Джинджер.

За окном восточные танцовщицы продолжали свою хореографию, покачивая в ритме колес своими животами пшеницы, ячменя и ржи, только еще зеленых.

Она покраснела. Фред. Джинджер. Что он подумает? Она угадала его вопрос и опередила его:

– Что вы будете делать в Пенсильвании?

Он переменял позу с резким движением руки.

– В Чикаго для такого парня, как я, – что вы хотите, есть только три перспективы. Доки. Бумажная работа. Или воровская шайка. Ни одна из них мне не улыбалась. Дедушка Отто

оставил мне небольшое наследство два года тому назад. Ну и... я решил потрудиться ради счастья моих грядущих дней.

Девушка молчала в ожидании конкретики, но ее не было. Он устремился в брешь.

– А вы сами? С таким большим багажом... Нью-Йорк, держу пари?

Она кивнула. Он рассмотрел красивый твидовый жакет, юбку клеш, изящные руки со скромно покрашенными ногтями, безупречные коротко стриженные волосы орехового цвета, лепестками лежавшие вокруг лба, и веснушки. Элегантная. И даже по последней моде. Восхитительная, но недостаточно богатая, чтобы позволить себе купе первого класса для столь долгого путешествия.

– Я понял. Вы работаете в рекламе. Секретарша? Машинистка? Редактор?

– О нет. Контора – это не мое.

Уходя от неизбежного продолжения, она живо сменила тему:

– Вы не ответили. Что вы будете делать в Пенсильвании?

Он снова переменил позу с тем же резким движением той же руки. Его взгляд устремился к небу, поверх восточных танцовщиц с колышущимися боками, таких завораживающих и весенних.

– Поклянитесь, что не будете смеяться.

– Не могу. Я слишком люблю смеяться.

– Ладно. – Он задумался. – Тем хуже. От вас мне это будет

даже приятно. Это... из-за фотографии в «Лайф». Взгляните.

Он открыл разворот журнала, быстро извлеченного из внутреннего кармана пиджака. Постучал пальцем по фотографии.

– Скажите честно... вам не хочется быть там?

На фотографии были холмы, долина, маленькое озеро (или рукав реки?), яркая зелень под чистым небом. «Саскуэханс-Фоллз», гласила подпись. Джинджер вежливо кивнула.

Он достал еще одну бумагу, сложенную гармошкой, и сунул ей под нос. Синим было обведено объявление: продается ферма. Она подняла голову, взволнованная до глубины души его счастливой улыбкой, его сияющим взглядом.

– Я внес задаток восемьсот долларов. Эта ферма будет моей через десять лет. Двести яблонь. Я посажу еще столько же, земля там плодородная, только сажай. Я заказал пресс по каталогу и...

Значит, как и она – это все же заставило ее едва заметно улыбнуться, – он ехал на этом поезде за... мечтой!

– А вы? – снова спросил он, закончив рассказ – про яблоки, сидр, мед, кур, – который она слушала вполуха, слишком занятая наблюдением за его танцующими руками, подвижными губами с нежным изгибом, бровями, движущимися одновременно с носом, находя все это таким... таким...

– Я? О, мои планы совсем не похожи на ваши.

Девушка помедлила.

– Я пою, – призналась она наконец. – Беру уроки уже семь лет. Мой учитель дал мне адреса на Бродвее, там есть работа.

– Певица! – восхищенно выдохнул он. – Как я глуп. Мог бы догадаться. Ваши губы так мелодичны.

– Это ни при чем, – смеясь сказала она. – Главное – работать.

– И иметь талант.

– Упорство.

Он кивнул. Между ними воцарилось молчание, которое можно было бы назвать особым.

На вокзале в Эштониионе села молодая женщина с двумя малышами, дала тем по куску яблочного пирога и оранжаду. Она любезно предложила попутчикам остатки пирога. Те не чинясь согласились.

Прошел час; новая пассажирка поведала, что делает пересадку на Фернес-Узловой, чтобы ехать в Маллстилби, штат Коннектикут, куда ее муж отправился на разведку с планом открыть булочную. Он нашел работу на мукомольне, но чета рассчитывала через некоторое время поставить на ноги свое дело. Пока же она поработает переписчицей в университете.

Два малыша слушали мать молча, как будто она рассказывала им «Белоснежку».

Двое взрослых тоже слушали... но не слышали ни слова. Они инстинктивно повернулись друг к другу, ослепленные солнцем, бившим сквозь стекло.

Славное это было купе, где случай свел на короткое время

между пунктами назначения столько юных мечтаний и желаний лучшего.

Когда молодая мама и ее дети сошли с поезда на Фернес-Узловой далеко за полдень, молчание между двумя одинокими пассажирами – Гуинивир Вихаукен-Хоукинс, иначе Джинджер, и Фридрихом-Гюнтером Фройденкерлештурмом, иначе Фредом, – стало еще более особенным.

– Маунт-Блимп! – крикнул проводник в коридоре.

Молодой человек вздрогнул, словно выйдя из оцепенения. Он встал, высокий, широкий, неловкий и вцепившийся в свою шляпу, очень красный, слегка ошалевший. Он открыл рот, закрыл его, дважды повернулся вокруг своей оси, отчего купе стало похоже на ящик комода. Вдруг он наклонился и очень быстро произнес фразу.

– Прошу прощения?

– *Willst du mich heiraten?*⁶ – повторил он и нагнулся еще ниже. Она увидела, какого теплого каштанового цвета у него ресницы. Ей показалось, что в уголке глаза у него...

– Мне очень жаль, я не гово...

Дверь крякнула. Контролер как мог протиснул форму и фуражку. Молодой человек по-прежнему стоял, и купе окончательно приобрело размеры табакерки.

– Проклятая дверь, как ее ни подмазывай... Вы пересаживаетесь в Маунт-Блимп? – отметил контролер, заглянув в билет. – Это следующая.

⁶ Ты выйдешь за меня? (нем.)

Молодой человек из багрового стал белым как простыня.

– Когда прибываем?

– Через четыре-пять минут.

– Уже!

Бравый контролер Пенсильванской железной дороги получил в этот день доказательство, что два невинных слога могут вместить в себя все горе мира.

– Мой вам совет. Выходите как можно быстрее, экспресс из Питтсбурга стоит всего три минуты. Вы хорошо себя чувствуете? – осведомился он, возвращая молодому человеку билет, чтобы проверить билет пассажирки.

– Да... да, да.

Покончив с билетами, контролер вышел, оставив упрямую дверь полуоткрытой. Молодой человек утер пот с бледной щеки, уставившись на столик, словно хотел разглядеть на нем царапины.

– Вам помочь? – встревожилась девушка. – Вы выглядите... Состав начал тормозить. Он снова наклонился, поля его шляпы почти касались ее.

– *Lassen Sie uns heiraten!*⁷ – выдохнул он с таким же жаром, как если бы позвал: «На помощь!»

Его кулак ударил о ладонь. Он стоял, качаясь, на краю пропасти, которую видел он один.

– *Leider verstehst Du mich nicht... und ich werde es Dir*

⁷ Давай поженимся (нем.).

niemals auf English sagen können!⁸ – выпалил он единым духом.

– Но... – испуганно пролепетала она, – вы говорите по-немецки, я полагаю, а я не...

– Sag ja! Sag ja, es muss! – продолжал он с отчаянным лицом, не сводя с нее глаз. – Oder ich werde sterben...

– ?..

Он разом опустошил багажную сетку, подхватил свой чемодан, два ее тяжелых саквояжа и их одежду.

– Это значит... это значит: «Скажите да! Скажите да, так надо! Так надо, или я умру».

Он схватил ее за руку, поднял с сиденья и потащил за собой. Дверь услужливо отъехала, как хорошо смазанный конек на льду. Потрясенная, ошеломленная, Джинджер пролетела по коридору и скатилась на перрон, едва дыша.

На соседнем пути экспресс из Питтсбурга тихонько урчал с благодушием пумы.

– Вы!.. – воскликнула она, вконец растерявшись, прижав одной рукой волосы, как будто ореховые лепестки могли улететь.

– Сумасшедший? – рявкнул он со смехом, который мог напугать. – Нет ни малейших сомнений! Осталось две минуты... Этого мало, чтобы сделать выбор, согласен.

– Черт побери! Пустите, я хочу вернуться в...

⁸ К сожалению, ты меня не понимаешь... а я никогда не смогу сказать тебе это по-английски! (нем.)

– Во всяком случае, лично мне требуется больше времени, чтобы выбрать между малиновым и лимонным мороженым у тети Уинифрид, – сказал он очень серьезно.

– ...в поезд! Я должна... Нью-Йорк...

Ее трясло. Он набросил ей на плечи твидовый жакет. Сам он был в рубашке, пиджак на одном плече, потому что руки у него были заняты.

– Выходите за меня.

– Вы...

Он нежно коснулся губами ее щеки. Ее перестало знобить и бросило в жар.

– *Ich liebe dich, Ich liebe dich...*⁹ Да, это безумие, чистое безумие, но... О Джинджер!

Они стояли посреди перрона между двумя неподвижными поездами. В уголках его глаз... Она не ошиблась...

– Одна минута! – выдохнул он.

...у него тоже были веснушки, четыре светлых пятнышка в уголке века, четкие, как хлебные крошки на чистой ска-терти. Она вдруг обхватила его обеими руками за шею. Они поцеловались так, будто больше никогда не увидятся.

– Это... прощание? – выдохнул он, оторвавшись от нее.

Он был в отчаянии.

– Ты подарила мне прощальный поцелуй?

– Нет! – воскликнула она. – О нет...

Она решительно схватила его за рукав и потащила к

⁹ Я люблю тебя (нем.).

питтсбургскому экспрессу. Он поспевал следом с чемоданами и саквояжами на всех этажах.

– Цветы яблонь весной похожи на розовый снег! – гаркнул он из-за ее плеча.

– Всего тридцать секунд! – крикнула она.

Они смеялись, задыхались, бежали и смеялись, смеялись, смеялись.

– Розовый... снег? – переспросила она, с трудом переводя дыхание, когда он помогал ей взлететь на первую оказавшуюся рядом подножку.

– Питтсбург! – выкрикнул человек в красной фуражке далеко на перроне. – Пи-и-и-и-и-иттс-бург!

Двери захлопнулись за двумя опоздавшими весельчаками и их скарбом, человек взмахнул красным флажком. Паровоз выпустил бодрый клуб дыма и тронулся.

Он быстро и проворно набрал хорошую скорость. Вереница вагонов подрагивала за ним, всем им явно не терпелось узнать, как же может выглядеть этот самый розовый снег.

1. When you were sweet sixteen¹⁰

Истер Уитти постучала. И, не дожидаясь разрешения Артемисии, вошла. Она могла себе это позволить. Регулярные сеансы покера создают тонкую, но крепкую близость между прислугой и ее хозяйкой. В том числе между черной прислугой и белой хозяйкой. Артемисию больше заботил оттенок лака на ее ногтях, чем цвет чьей-либо кожи, на который она плевать хотела.

– Весенний завтрак!

Опустив занавеску на окне, Артемисия посмотрела на поднос и все, что на нем было.

– Почему весенний? – буркнула она. – Я вижу тот же кофе, те же блинчики, то же варенье, что зимой.

Истер Уитти раздвинула занавески, открыла окна, золотистый свет разогнал тени под мебелью.

– Свежее солнышко, вот почему. Темнота и старые кости в доме не уживаются. Будем пока пользоваться. Весна в Нью-Йорке так коротка.

– Что касается дома, – отозвалась старая дама, – уберика остатки нашего вчерашнего вечера. Я нашла червового короля под кроватью. Что же до старых костей... мы с тобой близнецы.

Истер Уитти убрала карту в карман, выбросила окурки из

¹⁰ Когда тебе было прекрасных шестнадцать (*англ.*).

пепельниц, пошла вытряхивать простыни и подушки.

– Вы предпочли бы червового короля не под, а в кровати в натуральную величину, верно?

– В мои годы не мечтают, просто стареют, – ответила Артемисия. – Моя сестра права, пора подумать о твоём увольнении.

– Ба! Если вы с миссис Мерл будете только думать, мне останется много прекрасных деньков. Что вы там высматриваете на улице?

Артемисия откусила кусок теплого блинчика, отпила кофе, ничего не ответив. Истер Уитти достала из шкафа чистую простыню, по дороге выглянув в окно.

– Хо-хо, – вполголоса пробормотала она между занавесками. – ФБР?

– Уже которую неделю они тут ошиваются. Видишь «додж»?

– Они же следят не за нашим пансионом «Джибуле», нет?

– Слишком плоско, чтобы заинтересовать федералов... Им нужен дом Просперо рядом. То есть девчонка.

– Школьница? Иисусе, чего они хотят от этой славной малышки?

Она наполнила чашку, которую Артемисия уже выпила.

– Надо бы ее предупредить.

– Скажешь тоже. Думаешь, у нее глаза в носочках? Да они и не скрываются, как видишь. Ясно, что они хотят сказать: «Ты живешь в глазу циклона, цыпочка. Мы знаем, кто ты, с

кем ты встречаешься, что ты делаешь, и знаем, что ты знаешь, что мы знаем».

Истер Уитти прижала к себе простыню.

– Тот скандал по телевизору... Вы помните, мисс Артемисия? Это было в газете. Тот великий бродвейский актер, что покинул передачу в самом разгаре! Ведущий не мог опомниться. Это вызвало смуту. Малышка была на демонстрации перед студией в тот вечер...

– За Ули Стайнера. Я помню.

– ...с нашим Джо.

Они помолчали.

– Эта парочка прекрасно спелась, – вздохнула Истер Уитти.

– Я видела их сегодня утром под ручку.

– У Дидо по четвергам занятия с утра. Так он встает на час раньше, наш миленький *French lover*¹¹. Только чтобы проводить ее. Они идут через Центральный парк, держась за руки. Это, конечно, идея француза.

Артемисия соорудила рожицу своим алым ногтям.

– Был у меня *French lover* когда-то, – мечтательно проговорила она. – Фердинанд Делаэ хотел представить меня на Ривьере, на своей вилле, на своей яхте... и своей матери. Одна вещь, одна-единственная, могла вытащить его из постели до трех часов пополудни: запах старого *камамбера*.

– Кам... бёрр? Что это?

¹¹ Французский любовник (фр.).

– Ты не знаешь, что это такое, счастливица. Помнишь Боксерскую Грушу Джино, бродягу с авеню Б? В этой его шапке из крысы, с которой он никогда не расставался? Он из нее ел, из нее пил, плевал в нее и сморкался. Спал на ней, вытирал ею ноги, а может, заодно и задницу. Ну вот, *камамбер* – это и есть шапка Джино. Французы от него без ума.

Истер Уитти хорошенько встряхнула подушку. Надолго задумалась и прошептала:

– Но эти типы на улице, как вы думаете, они... они имеют что-то против моего Силаса?

Артемисия уселась перед зеркалом за туалетным столиком. Открыла флакон с васильковой водой, вылила каплю на маленькую розовую губку и провела ею по лбу.

– Дризлл участвует в... сборищах?

– Он никогда ничего не говорит. Может быть.

Истер Уитти остановилась, прижав к себе диванную подушку.

– ...Я сама участвовала в беспорядках в Гарлеме в сорок третьем, от меня досталось не одному полицейскому. У этих ребят на всех досье. Они в курсе вашей предыстории.

Артемисия повернулась на табурете.

– Если они к нам явятся, я сама их приму. И закачу скандал в гарсоньерке Дж. Эдгара Гувера, если понадобится. Уж не постесняюсь.

– Вы очень добры, мисс.

– Я просто хочу уволить тебя сама. И не доставлю этого

удовольствия другим.

Покончив с уборкой, Истер Уитти замешкалась у двери. С лестничной площадки вынырнула Мэй Уэст, прошмыгнула своей мягкой шерсткой между ее ног.

– Принести вам еще кофе?

– Это был кофе? Я думала, мыльный раствор для моего исподнего.

– Черити благословит вас за этот блестящий комплимент.

От нее и так искры сыплются!

Артемисия приняла мурлычущую Мэй Уэст на колени.

– Возвращаясь к этой каналье Гуверу... Милли Поттер из театра «Плимут» всем рассказывала, что в тридцать шестом он принимал в своей хижине в Вашингтоне только мальчиков. Сама видишь, я ничем не рискую.

Они подмигнули друг другу. Истер Уитти хлопнула дверью, ставя точку в этой фальшивой – но ритуальной – утренней стычке с Драконом.

А упомянутый Дракон пошел холить свои зубы в крошечной туалетной комнате. Артемисия ухаживала за ними исто-во, массировала гвоздикой, натирала всевозможными эликсирами, мятой, содой, кошенилью. Она гордилась своими все еще красивыми зубами, ровными и молочно-белыми. Не хватало только одного, дальнего – слава богу, – сломанного в двадцать девять лет о бицепс полицейского во время потасовки в *спикизи*¹². Но, о боже милостивый, остальные, все

¹² Спикизи (*англ. speakeasy*) назывались питейные заведения или клубы, в кото-

свои, держались стойко! Вставная челюсть – фу, это была бы отвратительная эмблема неравной битвы с возрастом.

После этого она вернулась к окну и отличному виду на Западную 78-ю улицу.

Конечно, там уже стоял знакомый «додж-кастом» цвета морской волны с одним или двумя агентами внутри. Агенты были не всегда одни и те же, но все одинаковые: шкафы в темных пиджачных парах, в непромокаемых плащах, когда шел дождь, и коричневых фетровых шляпах.

Однако то, что привлекло ее внимание этим утром, находилось на противоположном тротуаре: светловолосый молодой человек. Истер Уитти его не засекала. А она разглядела.

Это уже было необычное явление, он не принадлежал к клике шкафов в пиджачных парах. Появившийся вскоре после того, как она встала, молодой человек расхаживал взад-вперед по тротуару.

Он кого-то ждал. Одну из пансионеров? Она всмотрелась в него, прячась за занавеской.

Демисезонное пальто из альпака, безумно элегантно, явно сшитое на заказ. И манеры... У нее был глаз на манеры мужчины. Даже когда он просто смотрел на часы (каждые три минуты, и всякий раз коротко поджимал губы), от его повадки и стиля так и шибало Парк-авеню. На худой конец Западным Центральным парком. Короче, это был отпрыск

рых нелегально продавались спиртные напитки во времена сухого закона в США (1920–1933).

богатых кварталов. Он напоминал ей...

Она пощекотала усы Мэй Уэст.

Он напоминал ей... напоминал...

2. Again¹³

– Тл-ле-е-ек.

Огден, по своему обыкновению, копался. Концом ложки малыш рисовал яблочко на своей овсянке. Он сосредоточенно пыхтел. Бока яблочка, черенок, красивый острый листик... Ох ты, тарелка маловата, край слишком близко.

– Ради бога, милый, ешь скорее!

– Он сначала закончит яблочко, ты не видишь? – вмешалась Урсула, наливая себе молока. – Красивое, кстати, яблочко.

– Почему ты не оторвешь его от этих дурацких рисунков и не потащишь прямиком к няне? – спросила Шик. – Он поест там. Ставлю ужин с Кэри Грантом, ты сэкономишь добрых полчаса.

Пламенные взгляды вокруг стола испепелили ее. Шик ничего не заметила. Она мрачно уставилась в свою чашку, как будто давала ей мысленный приказ подняться к ее губам, а та отказывалась повиноваться.

– Тащить бедного крошку в метро на пустой желудок до Бронкса? – возмутилась Эчика.

– Тл-ле-е-ек, – повторил бедный крошка.

– Шик, у тебя каменное сердце, – сказала Пейдж.

– Хотелось бы.

¹³ Снова (англ.).

Шик выдохнула эту реплику в свою чашку. Никто ее не услышал. Она жила последние недели как сомнамбула. Работала, чтобы забыться. Спала, чтобы забыться. Выходила в свет, чтобы забыться.

Вот только... Вместо того чтобы даровать ей благодатную амнезию, эта святая троица лишь усугубляла ее наваждение. Она видела Уайти повсюду. За софитом, декорацией, камерой. На танцполе, на табурете бара... Даже во сне и даже когда не спала.

«О Уайти, Уайти, – простонала она про себя. – Мы не договаривались, что ты больше никогда не позвонишь. Правда? Ты, во всяком случае, меня не предупредил».

Ее рассудку и гордости претило повторять их жалкую последнюю встречу. В тот раз она два часа проспала под его дверь, скорчившись на ступеньке. Вечер с шампанским, на который она рассчитывала, закончился полным фиаско. С тех пор Шик не видела Уайти. Он позвонил один раз, чтобы извиниться. Вот как обстояли у них дела. Вот как обстояли дела у нее.

– Не в духе или плохо спала, – снова заговорила Урсула, – это не дает тебе права вести себя по-свински.

– Точно, по-свински, – подхватила Эчика.

– Я люблю животных, – буркнула Шик.

Она наконец решилась поднести к губам непокорную чашку.

– Это из-за всех ее поклонников, всех возлюбленных, –

ввернула Эчика.

Шик поставила чашку.

– *Экс-поклонников! Экс-возлюбленных! Экс-кюз-муа!*¹⁴

– Тл-ле-е-ек, – сказал Огден.

– Как бы то ни было, – произнесла своим тонким голоском

Хэдли, – мадам Люси-Джейн подает ему второй завтрак, когда мы приходим. Он привык есть два раза. Доедай скорее, мое сокровище, еще будет какао.

От этой перспективы мальчик вознесся на седьмое небо.

Он предпочитал какао овсянке... из-за крошечных клоунов, которые катались на лыжах по его поверхности, когда он мешал ложкой в чашке. Чтобы увидеть их, надо было сощурить глаза так, чтобы нижние ресницы коснулись верхних. Поверхность шоколада начинала искриться, и клоуны выходили на лыжную прогулку.

Хэдли с укоризной посмотрела на девушек и сжала локоть несчастной Шик.

– Попробуй эти тосты. Хрустящие, просто мечта. Хороший завтрак придает сил.

– Не напоминай. Я так давно не ела.

На Пейдж снизошло вдохновение.

– Подумай о чем-нибудь приятном. Попробуй, Шик.

– Что ж... Мне было бы очень приятно бросить в огонь это дурацкое синее платье, которое Хэдли носит через день с тех пор, как приехала в «Джибуле».

¹⁴ Excuse-moi – извини меня (*фр.*).

– У меня еще есть клетчатая юбка...

– Сожги ее тоже! Они уже лезут у меня из ушей.

Пейдж и Хэдли терпеливо закатили глаза.

– Мы говорили о твоих возлюбленных, – напомнила

Пейдж.

«Каких возлюбленных? – подумала Шик. – У меня на уме только один... и он меня не любит».

– Тот богатый идиот, что осыпал тебя подарками! – воскликнула Урсула. – Мужлан, который водил тебя в «Эль-Марокко». Парень со смешной кличкой. Пряжка... Крышка...

– Пробка, – процедила сквозь зубы Шик.

– Эрни, – поправила Эчика. – Эрни Калкин. И... он не идиот.

– Пробка больше не звонит, – буркнула Шик едва слышно. – Не знаю почему. Мне от этого ни жарко ни холодно.

– В вечер нашего знаменитого выхода вчетвером, – объяснила Эчика, – бедному мальчику досталось от капризов нашей мисс Всё-недостаточно-хорошо-для-меня. Признай, Шик, ты вела себя ужасно с Эрни.

Та нервно дернула плечом.

– В детстве я жила в Соледад-Крик, – объявила она. – Не бывали, небось, в Соледад-Крик?

– Никогда! – заверила Урсула. – Поклялась не бывать в шесть лет.

– А я в шесть лет, – продолжала Шик, – донашивала старые пальто. Такие древние, что однажды нашла в кармане

яйцо бронтозавра.

– Тл-ле-е-ек, – сказал Огден.

– Счастливица, – вздохнула Урсула. – Только бедным знакома радость сюрпризов.

– После этого я тоже поклялась. Что отныне не допущу в свой карман никаких яиц, кроме яиц осетра.

– Фу, – поморщилась Пейдж, разрезая апельсин. – Ну и вонь от тебя будет.

– А что есть у богатых? – спросила Хэдли. – Скука. Ты умрешь от скуки, Шик. Твоим самым большим развлечением будет поправлять картины, если они криво висят на стенах замка.

– Зато у меня будет замок.

– До этого далеко! – усмехнулась Эчика. – Эрни понял, что ты водишь его за нос... и метишь на денежки его папаши.

– Правда? – протянула Шик. – Что-то было незаметно, что он такой понятливый.

Эчика энергично потрясла коробку с хлопьями над миской. Шик смотрела на нее из-под опущенных век.

– Это корнфлекс, детка. А ты как будто хочешь утопить клопов.

Хэдли надела лодочки, которые держала под мышкой. Новенькое солнце заливало пастельным светом угол комнаты, в котором она стояла на одной ноге, подобрав платье... да, синее. Вышедшая из кухни Черити чуть не налетела на нее. Юная горничная шваркнула на стол блюдо с тостами и бан-

ку меда и скрылась там же, откуда пришла, с развевающейся челкой, не проронив ни слова.

Девушки за столом изобразили озадаченную пантомиму. Огден за тарелкой овсянки отвлекся от рисования и изучал этот женский консорциум незаметно, но внимательно.

– Это заразно. Сначала Шик. Теперь Черити. Да я и сама неважно себя чувствую. Что за вирус мы все подцепили? – простонала Пейдж.

– Один и тот же, держу пари, – вздохнула Эчика. – Зеленый цвет лица, злые глаза, капризы... У меня были эти симптомы в лице, когда я узнала, что Мики Драмп встречается с моей первой врагиней.

Она задумалась, прожевывая кусок.

– Полагаю, с лучшей подругой было бы то же самое.

– Тл-ле-е-ек.

Шик оттолкнула чашку, убийственно передернув бровями. Пейдж, сладко улыбаясь, предложила ей апельсиновый сок, к которому не успела притронуться. Урсула протянула намазанный маслом тост. Шик отсчитала два с половиной вдоха, залпом выпила сок и надкусила тост.

Тут спустилась от Артемисии Истер Уитти. Она молча бросила быстрый взгляд на улицу и включила радио.

...вечер мечты! Обедаем? Ужинаем?

Танцую под оркестр Эдди Дачина?

*В салоне «Веджвуд» отеля «Уолдорф-Астория»,
бронируйте, это незабываемо!*

– А куда девался тот рыжий Аполлон? – вдруг подумала вслух Шик, жуя тост. – Знаете... тот великолепный атлет, что заходил за Черити в день ее нового платья? Уже довольно давно. Мое мнение – он ее бросил. Поэтому она и дуется.

– Вот наконец-то наша Шик, какой мы ее любим! – хихикнула Пейдж. – Язва.

– Сплетница, соблазнительница, золотоискательница...

Перечень чисто дружеский: Эчика не была злопамятна.

– Истер Уитти знает что-нибудь об этом?..

Упомянутая Истер Уитти отвернулась от окна, в которое смотрела.

– Если бы я знала, мисс Фелисити! – сказала она Шик. – Сами понимаете, такой скромной и сдержанной особе, как вы, я бы не чинясь все выложила о сердечных делах Черити.

– Не надо иронизировать, Истер Уитти. Я нездорова.

Истер Уитти встряхнула полотенце. Она, конечно, поостереглась упоминать о той ночи, когда Черити пришла со свидания с пресловутым Аполлоном.

Миссис Мерл в ужасе обнаружила юную горничную, которая, стуча зубами, промокшая до костей, корчилась, как вытащенная из воды сардинка, на полу в холле... На подмогу была призвана Истер Уитти. Две женщины учинили допрос. На Черити напали? Позвать полицию? Доктора? Но Черити, обессиленная, в истерике, заставила их поклясться небесами ни в коем случае никого не звать! Отчего миссис Мерл вздохнула с большим облегчением (надеясь, что никто из со-

седей не видел девушку в таком состоянии...).

После чашки бульона Истер Уитти уложила бедняжку в постель и просидела с ней полночи. Ее беспокойный сон прерывался рыданиями и бессвязным лепетом, речь шла об Эмпайр-стейт и о некоем Элвине или Келвине, вероятно, том самом рыжем красавце, о котором толковала эта язва мисс Фелисити.

С тех пор Истер Уитти заметила, что Черити перестала петь «Встречай меня в Сент-Луисе, Луи-и-и-и», отмывая стекла.

– Есть новости от мисс Манхэттен? – сменила она тему.

– Никаких. Хороший знак, я полагаю, – ответила Пейдж. – Ее агент звонил вчера. Нужна танцовщица на замену в новом шоу, которое стартует в «Маджестике»... Знаете, грандиозная штука, которую никто не видел, но весь Бродвей только о ней и говорит уже которую неделю.

– «Саут Пасифик»?¹⁵ – выдохнула Урсула. – Он нашел ей место в «Саут Пасифик»? Курятник уже полон. Но эту постановку я бы хотела увидеть целиком. В антракте не просочишься.

Она повторила со стоном:

– «Саут Па...» Ох, вот невезуха, она бы сделала нам приглашения!

– Агент ничего не знал о ее турне, – продолжала Пейдж. –

¹⁵ «Саут Пасифик» (англ. «South Pacific») – «Юг Тихого океана», знаменитый бродвейский мюзикл.

Когда я сказала ему, что Манхэттен работает в пьесе с Ули Стайнером, он чуть зубами не подавился. Всхлипывал одиннадцатнадцать минут: *«Она играет в „Коммунисте в доме“? Нет... Не говорите мне, что из-за этой гадости она исчезла с Бродвея! Комму...»* Он вдруг перестал повторять слово «коммунист» и как заорет: *«Если она играет в этой халтуре, я ей больше не агент!»* Мне пришлось объяснять ему, что она не танцует и не играет, а работает младшей костюмершей. Это его добило! Бедняга прохрипел: *«Всё кому под хвост, о черт, всё кому под хвост...»* И повесил трубку. То есть я так думаю.

– Ты так думаешь?

– Телефонная линия тоже хрипела.

– Тл-ле-е-ек.

Некоторое время были слышны только звон приборов и бульканье.

– В се-таки... «Саут Пасифик»! – посетовала Эчика. – Ох, Манхэттен, ты упускаешь шанс твоей жизни. Это будет музыкальная комедия века. Манхэттен... Ну ты и дура.

Урчание кофеварки стало громче. Вздохи тоже.

– Будем надеяться, что турне пройдет успешно, – сказала Хэдли. – Кто-нибудь читал отзывы на «Коммуниста в до...»?

– Тс-с! Когда произносишь некоторые слова, солнце краснеет и налетает саранча! Я посмотрю в «Бродвей Спот», – отозвалась Пейдж, ухватившись за предлог полистать упомянутую газету.

На самом деле она хотела пере-пере-перечитать последнюю статью Эддисона Де Витта¹⁶. И пере-пере-пересмотреть крошечную фотографию над ней – не изменившийся с начала своей хроники, век назад, когда Пейдж еще ходила в школу, он был на ней таким обольстительным, таким молодым, таким...

«Ты бы не узнал меня, Эддисон... Я добилась успехов, имей в виду. Я теперь в Актерской студии. Да, сэр. Я близко знакома с мистером Казаном и мистером Страсбергом. Я даже играла в „Гран Театро“ в Гаване. О Эддисон, Эддисон...»

– Бред. Какого дьявола Манхэттен работает костюмершей? Она танцовщица, черт возьми. И даже чрезвычайно одаренная. Это и к тебе относится, Хэдли, – безжалостно продолжала Урсула. – Бросайте вы эти грязные работенки. Кому нужны талант и страсть, если не отдаваться им душой и телом?

Шик указала пальцем на радиоприемник. Тотчас все подхватили хором мотив рекламного ролика:

*...турбопаровой утюг «Дженерал Электрик»!
На всех парах он гладит и разглаживает!
«Дженера-а-а-ал Электри-и-и-и-ик»...*

Несмотря на оркестр, голос Урсулы легко было узнать.

¹⁶ Здесь преуспевающий и умный театральный критик носит волею автора такое же имя, что и театральный критик Эддисон Де Витт – персонаж знаменитого фильма Дж. Манкиевича «Всё о Еве» («All about Eve», 1950), нелицеприятно живописующего нравы театральной богемы.

– Тл-ле-е-ек.

– *Душо-о-о-о-ой и те-е-е-елом?* – проворковала Эчика.

– *Тала-а-а-ант и стра-а-а-асть?* – передразнила ее Шик.

Урсула швырнула салфетку, которая приземлилась на голову Эчике.

– Я, по крайней мере, пою. Голос – это мускул. Мускулы накачивают, и не важно, какими гантелями. Уж лучше...

Дверной звонок сократил отповедь, обещавшую быть радикальной. Хэдли сунула Огдену под нос в спешке подогретое какао.

Черити вылетела из кухни со скоростью пушечного ядра. Она кинулась к двери, опередив Истер Уитти, и та вернулась к буфету, где звонок прервал ее занятие – она расставляла бутылки текилы.

Прежде чем открыть, Черити поправила локоны тремя пальцами и глубоко вдохнула через нос.

– О... Кросетти. Это вы?

Она старалась не показать, до какой степени разочарована.

– Тебе везет! – сказал молоденький рассыльный, исполнив на пороге чечеточное па. – У меня радости на двоих. Тебе от нее не уйти.

– Уйти... Единственное, что доставило бы мне удовольствие, – ответила Черити без улыбки. – Пакет! – крикнула она через плечо.

Он всмотрелся в нее, склонившись к самым ее щекам.

– У меня и идей на двоих, – сообщил он. – Начнем с первой?

– ...

– В воскресенье, только ты и я, на Кони-Айленде.

Черити растеклась лужицей. При упоминании Кони-Айленда ее губы втянулись и поджались, как будто хотели закричать, не спрашивая ее мнения. Глаза набрякли чем-то жидким.

– Эй... Нет, нет, мы поедем в другое место! – поправился он, испуганный ее бледностью. – На Ниагарский водопад, если тебе там больше нравится. Или в Майами! В Париж! Париж меня тоже устроит.

Тыльной стороной ладони она поспешно вытерла веки, потому что уже прибежали девушки.

– Пакет? Пакет? – толкались они, стгорая от любопытства.

Хэдли сняла с вешалки свой тренч, курточку и шарфик Огдена и убежала.

– Большой пакет?

– Очень большой пакет?

– Кому?

– От кого?

Черити повернулась к ним спиной и засемила в кухню под полным сожаления взглядом Слоана Кросетти.

– Не такой уж большой, – отметила Эчика. – Но все-таки подарок.

Сверток был размером с обувную коробку. Розовый кар-

тон перевязан белой бархатной ленточкой. Лес пальцев жадно тянулся к посылке, а молодой рассыльный спрятал визитную карточку под пилотку.

– Первая, кто угадает, – сказал он, – получит...

Он отвлекался как мог, но несчастное лицо Черити так и стояло перед глазами. Он ломал голову, какую же промашку совершил. Урсула выхватила у него карточку.

– Пинок под зад! – фыркнула она.

Он отдал ей сверток и удалился, щелкнув пальцами по пилотке. Улыбке шутника-рассыльного не суждено было продержаться долго.

– Пейдж! – крикнула Эчика, закрывая дверь. – Это тебе.

Пейдж недоверчиво вытаращила глаза.

– Наверно, ошибка.

Никто никогда не присылал ей подарков. Такие посылки чаще всего получала Шик с ее тысячей воздыхателей.

– Пейдж Гиббс, – прочла Урсула, держа перед глазами карточку.

– Наверно, это другая Пейдж Гиббс.

– Пансион «Джибуле». Западная 78-я улица. Нью-Йорк.

– Наверно, это другой Нью-Йорк.

– Если это норковое манто, то оно неподходящего размера, – обронила Шик, величаво развернувшись.

Она тоже верила, надеялась... отчаянно. На короткий миг.

Проглотив ком в горле, она вернулась в столовую. Огден,

уткнувшись носом в чашку, рассматривал клоунов на лыжах в пенке какао. Хэдли, размахивая шарфиком и курточкой, подбежала и заторопила его.

– Тл-ле-е-ек, – ответил он.

– Что значат эти «тл-ле-ек»? – спросила Шик, потирая ноющий висок. – Черт побери, почему этот мальчишка с утра твердит «тл-ле-ек»?

– Он подражает выключателю на втором этаже, – улыбнулась Хэдли. – Его это забавляет. Огден, поторопимся?

– Почему он не говорит «мама» или «папа», как все большие дети?

Хэдли промолчала. Шик чувствовала себя усталой и недовольной. Смех и взрывы веселья долетали до нее из холла. Кончиками пальца Шик стерла складочку между бровями.

– Он мог бы называть тебя «тетя», – снова заговорила она. – Что в этом трудного, «те-тя».

– Наверно, ему просто не хочется, – мягко ответила Хэдли.

3. Dear hearts and gentle people¹⁷

Огден покончил с какао. Поглядывая на часы, Хэдли умыла его над раковиной, застегнула курточку. Скорее, скорее, перчатки, шляпа, сумочка!

В холле Урсула и Эчика сучили ногами и подпрыгивали, как блошки под вешалкой. Жестами героинь немного кино они изображали поочередно кому и обморок. Пейдж, близкая к обмороку по-настоящему, гладила щеку веткой белых орхидей.

– *Личное приглашение!* От ее преподавателя! – щebetала Урсула, чеканя каждое слово. – Ее Агилы из Актерской студии!

– Не может быть! – весело воскликнула Хэдли, мыслями уже далеко.

– Ставлю ужин с Кэри Грантом, ты никогда не догадаешься, куда приглашает ее это чудовище, этот жуткий тип!

Хэдли удержала Огдена, который хотел погрызть орхидеи.

– На премьеру... премьеру...

– На какую премьеру, черт возьми?

– «Саут Пасифи-и-и-ик»

Девушки рассыпались с визгом, делая вид, что падают в обморок вповалку среди кучи свалившихся с вешалки пальто, прямо под вышивкой в рамке, где синими буквами пока-

¹⁷ Дорогие сердца и добрые люди (англ.).

зывала зубы доктрина пансиона:

ПАНСИОН ДЛЯ ДАМ

Господа, бойфренды и женихи (официальные и прочие) в комнаты, в коридоры и на лестничную площадку не допускаются.

В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ ЗА РАЗРЕШЕНИЕМ НА ВИЗИТ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ДИРЕКЦИЮ

Пейдж жестко приземлилась. Это значит, что она встала.

– Я отошлю эту коробку назад. Я не могу ее принять.

Из-под вороха пальто зазвучали энергичные протесты:

– Орхидеи назад не отсылают!

– Что подумает твой дорогой Лестер Лэнг?

– Что он подумает, если я ему это позволю? – парировала

Пейдж.

– Что ты любишь цветы. Что же еще?

Пейдж покружилась на месте, кусая большой палец.

– Я ни за что не хочу, чтобы он подумал... Решено, я их отсылаю.

Она открыла дверь, чтобы позвать рассыльного (который давно покинул 78-ю улицу), но Эчика с недюжинной силой втянула ее назад за шиворот, а Урсула захлопнула дверь.

– Не будь такой благородной, – сказала одна. – Не отказывайся от бродвейской премьеры.

– Даже Армия спасения принимает подарки, – подхватила другая.

Пейдж молчала. Почему бы и нет, в конце концов...

– Можно мне пройти? – попросила Хэдли – она вернулась, запыхавшись после погони за Огденом.

Остальные снова попадали на кучу пальто и зонтиков, хихикая и взвизгивая. Именно эту минуту выбрал телефон на стене, чтобы проснуться.

– Кто ответит? – спросила Хэдли в дверях. – Я ухожу.

Девушки все еще смеялись, как пьяные, не в состоянии произнести связную фразу.

– Шик? – крикнула Пейдж в сторону. – Телефон!

После четвертого звонка (а Шик по-прежнему не было видно) Хэдли смирилась.

– Подожди здесь, милый, – сказала она Огдену и стянула перчатку, чтобы снять трубку.

– Я хотел бы поговорить с Фелисити, – сказал голос, который она уже слышала по этому телефону.

Тот же приятный мужской голос снова просил Шик.

– Одну секунду, пожалуйста. – Она прикрыла рукой микрофон. – Не шумите так, девочки. Я сейчас посмотрю, – сказала она собеседнику. – Боюсь, что Шик... Что она не...

Внезапно что-то похожее на ледяную мышь проползло от ее поясницы к затылку. Оцепенев, Хэдли ухватилась за стену.

– Не очень в форме сегодня утром, – закончила она слабым голосом.

– Ничего серьезного, надеюсь? Не беспокойте ее, я пере-

звоню.

– Нет, нет... Подождите.

Шик будет рвать и метать, если узнает, что свернули звонок, предназначавшийся ей.

– Кто... кто ее спрашивает?

Чья-то рука вырвала у нее трубку. Хэдли ухватилась за аппарат, чтобы удержать равновесие, и сглотнула. Боже мой, подумала она, окутанная красным туманом. Как будто... как будто я беременна, но это же совершенно невозможно.

Шик сделала ей знак отойти и лениво заняла ее место. Хэдли повиновалась, пятясь задом, держась за стену.

– Алло-о-о, – прошелестела Шик, приняв томную позу. – Ну же, говорите. Я не могу, у меня ночь еще не кончилась.

Она сделала знак хохочущим под пальто убавить громкость и коротко помахала Хэдли и Огдену в дверях.

– Это вы, Фелисити?

– Я не знаю, дайте удостовериться.

Шик рывком выпрямилась, едва успев поймать трубку, которая чуть не упала на пол. Краска бросилась ей в лицо.

– Уйти!

Она рассмеялась, не зная, что сказать, помолчала так же бессмысленно.

– Это вы, Фелисити? – повторил он.

– Она самая.

Господи, голос у нее дрожит. Но... но... *Почему он звонит теперь, когда она потеряла всякую надежду?*

Ценой колоссального усилия Шик собралась с мыслями. Или с тем немногим, что от них осталось.

Она переложила трубку к другому уху.

– Значит, вы ее помните? – слабым голосом осведомилась она.

– Даже очень хорошо. Фелисити, я хотел...

– Так опишите ее.

– Красивая. Очень. Любит танцевать. Есть огурцы в кисло-сладком соусе. Душиться шампанским за ушами. У нее тревожно-синие глаза.

– Тревожно? – переспросила она, встревожившись. – Мне очень жаль... это не та Фелисити, которую я знаю. Та – зануда, редко подходит к телефону, а когда отвечает, ломается.

На том конце провода, кажется, улынулись.

– Я вас не узнала, – призналась она. – Обычно звонит мой агент... Это его время. К тому же мы немного... отвыкли слышать вас здесь.

Стоп, стоп, мисс Всё-недостаточно-хорошо-для-меня! Эчика была права. Ты невыносима.

– Вы всё еще сердитесь на меня, – заметил он почти смиренно. – Зароем топор войны, ладно?

– Я и не думала сердиться, – тихо сказала она.

Это было не совсем так.

– Если вы хотите, чтобы я вас простила, – продолжала она вопреки всякой логике, – пригласите меня... потанцевать.

Шик услышала его тихий смешок. Почти безмолвный.

– Я как раз собирался вам это предложить, представьте себе. Она задумалась, не упрек ли это.

– Правда? Вы приглашаете меня потанцевать?

– Для начала поужинаем. Потом потанцуем, если вам хочется.

– Сегодня вечером? – спросила она с надеждой.

– Я работаю. Предлагаю на той неделе.

Все равно это было чудесно. Свидание назначили в баре, который он знал, в Нижнем Виллидже. Она повесила трубку много времени спустя после того, как отключился он. Сердце ее отчаянно колотилось. Колени подгибались. Ей понадобилось несколько минут, чтобы заметить, что истерички давно уже оставили пальто, да и холл.

– Смотри-ка! Вы больше не больны? – воскликнула Истер Уитти, встретив ее на лестнице.

Шик улыбнулась и станцевала чарльстон на трех ступеньках, насвистывая «Has anybody seen me gaal?..»¹⁸

– Вы чертовски быстро выздоровели. Ваши подружки сделали вам операцию?

* * *

Хэдли сбежала с крыльца, таща за собой Огдена, и взяла курс на метро.

¹⁸ Кто-нибудь видел мою девчонку? (англ.).

Она вынуждена была замедлить шаг, коря себя на чем свет стоит. Это не жизнь для бедного мальчика – так бегать утром и вечером на буксире у властной руки, не понимая смысла этой вечной гонки. К счастью, в конце пути его ждала няня, милая мадам Люси-Джейн, его светлый островок спокойствия.

Погода стояла чудесная, юные зеленые листочки были чисты и создавали легкую дымку.

Хэдли стало лучше. Что такое случилось с ней давеча у телефона? Она слишком устает, слишком много работает, мало спит, все время бежит куда-то. Теперь всё в порядке. Только чуть-чуть, о, совсем чуть-чуть побаливает с левой стороны.

Огден, державшийся за ее руку, остановился. Он высвободился, чтобы энергично приветствовать фигуру, большими шагами пересекавшую улицу им навстречу.

– Джей Джей? Что вы здесь делаете? – воскликнула Хэдли.

– Я ждал вас.

Хэдли поспешно вернула в свою ладонь шуструю ручонку Огдена и пошла дальше. Джей Джей подстроился под ее шаг, под мышкой у него был портфель из мягкой кожи, тяжелый на вид. Под кожей что-то бугрилось.

– Я веду моего... племянника к няне.

– Я знаю. Здравствуй, малыш.

Мальчик раскинул руки. Джей Джей остановился, присел на корточки и поцеловал его.

– У меня мало времени.

– Поговорим на ходу, – предложил он, вставая.

Он взял протянутую ручонку, и они пошли втроем шеренгой, Огден в середине. Сначала молча.

– Вас больше не видно в «Сторке», – сказала Хэдли, чтобы что-нибудь сказать.

Она чуть было не добавила: «Раньше вы бывали там каждый вечер», но Джей Джей мог принять это за упрек. У мужчины, обладающего состоянием, наверняка есть обязательства, непостижимые для нее дела.

– Кстати, о «Сторке», – сказал он, – вы помните тот вечер, когда там ужинал Фред Астер?

– Конечно.

Как она могла забыть? Вечер шимми! Вечер, когда она снова танцевала, в первый раз с 1946 года. Тот вечер, когда Джей Джей пришел с женщиной, красавицей Эллой... Как дальше?... Элла Тарлингтон. Шея и плечи принцессы.

– Вы не приходили с тех пор, – не удержалась она.

– Я был ужасно занят, Хэдли. После кончины дедули я впрягся в настоящую работу муравья. Почти детектива. Мы со старшей сестрой разобрали его архивы, освободили от мебели его квартиру здесь, в Нью-Йорке, которую вы знаете, и дом в Коннектикуте. У дедули было чертовски много хлама.

Зачем он это рассказывает? Извиняется, что захвачен новой любовью? Как будто и у Хэдли нет обязательств и непостижимых для него дел.

– Я вызову такси, – решил он, увидев, что она смотрит на часы. – Я без машины, у Пруэтта сегодня выходной. Да и все равно я предпочел прийти один.

– Я поеду на метро.

– На такси быстрее и спокойнее. Мне надо с вами поговорить.

Огден остановился, глядя то на него, то на нее, крепко сжимая их руки своими маленькими кулачками. Его глаза чего-то требовали.

– Он хочет поиграть в семимильные сапоги, – вздохнула Хэдли. – У нас нет времени, цыпленок.

– Конечно, есть! – запротестовал Джей Джей. – Что это за игра?

– Надо приподнять его, чтобы он прыгнул как можно дальше.

– Понятно. Я называл это самолетика. Готов, малыш?

Мальчик разбежался и – оп-ля! – приземлился, как на пружинках, четырем шагами дальше между взрослыми на ноги и громко рассмеялся. Они повторяли этот трюк раз двадцать, до угла улицы.

– Это была моя любимая игра с дедулей и бабушкой. Я держался за них, и – оп-ля! – промасленная бумага становилась горами, собачьи лужицы – озером Типсу, пар из решеток – гейзерами Йеллоустонского парка.

– Держу пари, на вас был синий костюмчик с матросским воротником.

– Белокурые кудри до плеч и большой бант на макушке, – улыбнулся Джей Джей. – Не то пасхальное яичко, не то пудель на выставке. Я покажу вам семейный альбом.

На проспекте он подозвал такси.

– Хэдли, – продолжал он, дав шоферу адрес няни. – В тот памятный вечер, когда вы поразили нас с Эллой вашим невероятным номером с Фредом Астером, я задал вам вопрос, вы помните?

– Не помню.

– Я хотел знать, откуда вы взяли брошку-птичку, которая была тогда приколата к вашему плечу.

Теперь она вспомнила. Она, кстати, отметила, что Элла Тарлингтон не носила никаких украшений, кроме обручального кольца. Неуместное замечание, даже в мыслях. Хэдли закусила губу, почувствовав, что краснеет. Она попыталась притянуть Огдена к себе. Он уперся, ему хотелось сидеть на руках у Джей Джея, как в их прошлую поездку в машине.

– Оставьте, он не тяжелый. Вы тогда ответили, что одолжили ее у подруги.

Лицо у него было напряженное, голос встревоженный и усталый.

– Я помню. Я ее носила, потому что в «Сторке» патрон любит оригинальность. Но какой у вас серьезный вид, Джей Джей.

– Будет нескромно спросить у вас имя этой подруги?

– Нет, конечно. Вообще-то птичек две, по одной на каж-

дое плечо. Это осколки былых времен, понимаете? Реликвии старой дамы.

– Старой да...

Он поперхнулся.

– Настоящий феномен, – сказала она. – У нее была бурная молодость *флэппера*¹⁹.

– Она рассказала вам, как... это украшение попало к ней?

– Нет, ничего не сказала. От пылкого поклонника, я думаю. У нее была толпа воздыхателей на Бродвее в «ревущие двадцатые». Она знала всех. Бутлегеры, *спикизи*, вечеринки в «Ритце», премьера «Шоу Бот»...²⁰

– Где я могу ее увидеть? Мне нужно ее имя. Непременно нужно.

Его голос стал нетерпеливым, звучал отрывисто.

– Ее зовут Артемисия.

– Митци! – выдохнул он.

Хэдли посмотрела на него с любопытством.

– Миссис Мерл... ее сестра так ее зовет. Это хозяйки нашего пансиона «Джибуле». Мы там были десять минут назад.

Он откинулся на сиденье, прикрыв глаза рукой, со вздохом, показавшимся бесконечным. Другая рука рассеянно гладила голову мальчика, прижавшегося к его рубашке.

¹⁹ Флэпперы (*англ.* flappers) – прозвище эмансипированных молодых девушек 1920-х годов, олицетворявших поколение «ревущих двадцатых». (*Примеч. автора.*)

²⁰ «Шоу Бот» – (*англ.* «Show Boat») – популярный в 1920-х годах мюзикл.

4. Open the door, Richard!²¹

Девушка открыла дверь молодому человеку.

Эчика Джонс тут же порадовалась, и еще как, что засиделась за последней чашкой кофе. Остальные девушки, поспешившие наверх, не имели счастья слышать звонок... и, стало быть, открыть.

Он походил на рекламу булавок для галстука, нарисованную Лейендекером²², в витрине «Сакса». Портфель же его был – вне всякого сомнения – из секции «Роскошная кожа на заказ» того же «Сакса».

Он же думал совсем о другом. Джей Джей готов был сушить ногами, но, поскольку он был очень хорошо воспитан, делал это про себя. Он поздоровался с девушкой и назвал себя – все по правилам этикета. Имя Эчика не запомнила, слишком занятая восторгами от его повадки, прически, зубов, галстука, ботинок и т. д.

Он просил о встрече с мадам Артемисией.

– Мадам! – хихикнула Эчика. – Не говорите этого слова при ней. Безбрачие – ее «Пурпурное сердце»²³. Скромного

²¹ Открой дверь, Ричард! (*англ.*)

²² Джозеф Кристиан Лейендекер (Joseph Christian Leyendecker, 1874–1951) – американский иллюстратор. Известен созданием рекламных постеров для компании *Arrow Collar* и многочисленных обложек журнала *The Saturday Evening Post*. Многие из его работ находятся в музее Хэггин.

²³ «Пурпурное сердце» – американская военная медаль, вручается за подвиги.

«мисс» будет достаточно.

Проверив тылы, она добавила вполголоса:

– Ее еще зовут Дракон. Или Капитан Блай, тиран в треуголке, мучивший экипаж «Баунти».

Если он и был ошарашен, хорошие манеры все же сохранил.

– Вы думаете, что *мисс* Артемисия будет пытаться меня колесованием?

– Нет, если я ей скажу, что вы молодой, белокурый и просто очаровашка.

– Ради бога, не надо, а то она подумает, что я в слюнявчике и с соской во рту. Могу я попросить вас доложить обо мне, пожалуйста? – добавил он серьезнее.

Она наморщила нос – воплощение шаловливой осмотрительности.

– Только эпидемия тифа или возвращение Руди Валле могут когда-нибудь заставить ее высунуть нос наружу. А пока вам придется карабкаться на вершину. Напомните мне ваше имя?

– Джей Джеймсон Тайлер Тейлор. Джей Джей.

Она посторонилась. Он вошел.

– Ее сестры, миссис Мерл, нет дома. Она ушла на рассвете смешивать с грязью «Электроникс», магазин телевизоров на Лексингтон-авеню. Они обещали доставку, а ее все нет. Перегорели лампочки и трубки на заводе. Повалили валом

покупатели. У вас есть телевизор?

Молодой человек внимательно рассматривал прихожую, как будто искал потерянную вещь. Он вздрогнул, когда она повторила вопрос.

– Да, да, конечно, – пробормотал он машинально.

Конечно! Ах, эта беззаботность баловня судьбы, который может позволить себе телевизор так же легко, как банку роль-мопса!²⁴

Она оставила его ждать и упорхнула. Удостоверившись, что находится вне поля его зрения, предприняла не очень пристойный спринтерский забег до третьего этажа. Поднималась она туда нечасто. Даже никогда. Эчика постучалась к Артемисии, и... ее охватил мандраж.

Никакого ответа. Из дальней комнаты показалась Истер Уитти с метелкой из перьев в руке.

– Что вам от нее надо?

– Ее спрашивает джентльмен.

– Джентльмен? Какого рода?

– Парк-авеню. Золотые запонки. Английские мокасины.

– Он сказал, как его зовут?

– Джей Джеймсон Тайлер Тейлор.

– Не знаю такого.

– Я тоже. Но он спрашивает не нас.

²⁴ Роль-мопс (также рольмопс, нем. Rollmops – «завернутый мопс») – рулетик из маринованного филе сельди с начинкой из корнишонов, лука и специй. Блюдо традиционное для берлинской кухни и возникло именно в Берлине, но со временем приобрело популярность как недорогая закуска во многих странах.

Истер Уитти бесцеремонно постучала в дверь. Створка приоткрылась, донеслась воркотня и негромкая брань. Когда ее ввели в курс дела, Дракон изрыгнул пламя:

– Никогда не слышала. Он красив?

– Красивее некуда! – пылко завершила Эчика.

– Скажите ему, что мне уже не по возрасту.

И она захлопнула дверь перед их носом.

Эчика сбежала по лестнице, притормозив ланьим прыжком на подходе к холлу. Джей Джеймсон Тайлер Тейлор (он, кажется, сказал Джей Джей?) был по-прежнему там.

– Мисс Артемисия не хо... не может вас принять.

Губы его перекосила гримаса отчаяния, казалось, он весь сейчас растечется лужицей.

– Я могу вернуться и умолять ее, – прошептала взволнованная Эчика. – Но мне понадобятся боеприпасы.

– Бое... боеприпасы? – выговорил он.

– Аргументы. Убедительные.

– О, я понял. Скажите ей...

Лицо его просияло, он изящно шелкнул пальцами.

– Произнесите это имя: Нельсон Джулиус Маколей.

– Нельсон Джулиус Маколей. – Гримаска сомнения. – Думаете, этого будет достаточно?

– Если я ошибаюсь, это имя действительно будет ей неизвестно. Но если это она, вправду она!.. О боже мой, если это она...

Опустив голову, он что-то забормотал в кулак. Эчика оза-

даченно развернулась.

– Нельсон Джулиус Маколей, – повторяла она вслух, поднимаясь по лестнице. – Нельсон Джулиус Маколей...

Ее остановили на полпути.

– Какое имя? Эчика, опять вы! Какое имя вы назвали? Повторите, безмозглое создание...

Лицо Артемисии наверху, над перилами, казалось яблоком в конце туннеля. Слух у старухи был отменный.

– Нельсон Джулиус Маколей! – проревел голос Истер Уитти где-то в дальнем коридоре.

Молчание.

– Какое... имя? – выдохнул Дракон.

– Нельсон Джулиус Маколей! – прокричала Эчика во все горло. – Я вам что, громкоговоритель бродячего цирка?

– Боже милостивый... Вы держите этого бедного гостя узником в холле, Эчика? Если это для того, чтобы выйти за него замуж, я вам подскажу более действенные методы. Кончайте ловить мух и пригласите его подняться!

Рука Эчики указала дорогу бедному узнику.

Который поспешно повиновался.

5. Beg your pardon²⁵

– Эта балаболка права. Действительно, красивее некуда, – объявила старая дама со своего наблюдательного пункта под абажуром от Тиффани.

Джей Джей не рискнул осведомиться, к кому относится эта оценка и не иронизирует ли она. Он боялся ответа – если ответ был. Во всяком случае, у него было ощущение, что его просвечивают рентгеном.

Другой бы почувствовал себя неуютно в этом нагромождении безделушек, финтифлюшек, бумаг, мебели, всего. Он, однако, нет. И быстро понял почему.

Это место, где он никогда не бывал, было ему уже близко знакомо. И эту женщину, которую он видел впервые в жизни, он как будто хорошо знал. Пусть даже целая жизнь отделяла Артемисию, которую он себе представлял, от несговорчивого старого дракона, стоявшего посередине комнаты.

– Я заметила вас на улице сегодня утром. Вы ждали меня?

Она расставила ему ловушку. Надо сказать, не очень коварную. Он не попался в нее, потому что ответил правду:

– Я ждал одну из ваших пансионерок в надежде получить сведения... которые привели меня сюда. Вновь привели, лучше сказать.

Действительно, она видела, как он провожал Хэдли и ма-

²⁵ Прошу прощения (*англ.*).

лыша... потом вернулся в такси.

Она приблизилась, выпустив трость. Он не выказал никакого удивления, когда она коснулась его лба, ощупала контуры лица своими невесомыми прозрачными пальцами.

– Вы на него не похожи, – сказала она.

Села в кресло и указала ему на другое.

– Садитесь напротив меня и побеседуем.

Кокетка. Она выбрала кресло против света. В халате из японского шелка она походила на самурая, сумрачного и, наверно, такого же одинокого. Он повиновался, поставив кожаный портфель на колени. – Кто вы?

– Джей Джей, – просто ответил он, глядя ей прямо в глаза.

– Я имею в виду, по отношению к Нельсону Маколею?

– Его единственный внук. У меня есть две сестры.

– Он женился на девице из Олдричей.

Она произнесла фамилию с недобрými нотками, но он не стал возражать.

– На моей бабушке Эмили, да. Ба Милли. Она умерла тринадцать лет назад.

– Я знала. Он любил ее?

– Полагаю, да, – ответил он осторожно.

– А она его любила?

– Очень.

Свет мелькнул в зеленых глазах. Кошка цвета половой тряпки, урча, устроилась в складках кимоно. Самурай отчасти утратил свою воинственность.

– Почему вы здесь сегодня?

Он догадался, что «сегодня» – важное слово. Открыл кожаный портфель и выложил какие-то вещи на круглый столик.

– Из-за этого.

Страницы цвета слоновой кости, светлый сафьян, коричневый шнурочек, связывавший их... Она узнала всё вплоть до почерка. Перед глазами встал Нельсон, склонившийся над бюваром, золотое перо его элегантной ручки, хрустальные чернильницы.

Из горла ее вырвался звук, глухая нота, похожая на удушье. Она попыталась встать, но не могла. Силы покинули ее.

– Его дневники, – сказала она наконец.

Едва слышно и сильно побледнев. Ее дрожащие пальцы потянулись к светлому сафьяну, ощупали его. Таинственные дневники Нельсона.

В последний раз он писал в них при ней в тот день, когда она покинула «Бродвей Лимитед» и оставила его навсегда.

– Он исписывал страницы и страницы, – прошептала она, затрепетав. – Писал везде. Я спрашивала его: «Про что такое серьезное вы пишете там, Нел?» Он отвечал: «Про жизнь. Про вас. Про меня. Но больше всего про вас».

– Да. Больше всего про вас, – мягко подтвердил Джей Джей.

– Так вы их читали?

– Читал и перечитывал много раз после его смерти про-

шлой осенью. Я принес только последние. Остальные передам вам позже, если хотите.

Он помедлил и продолжал:

– Последняя страница последнего дневника обрывается на дате, когда он послал вам вторую пару птичек. Копию тех, что вы растоптали в «Бродвей Лимитед». В приложенном письме он назначал вам свидание в «Уолдорфе».

Снова пауза.

– Я догадываюсь, что вы туда не пошли, потому что после этого он перестал писать.

Она сидела неподвижно и молчала.

– Он хранил сломанных птичек под замком, в ящике своего секретера. Элла, моя старшая сестра, случайно наткнулась на них.

Артемисия прикрыла глаза рукой, по-прежнему не говоря ни слова.

– Я много думал о том, кто же эта загадочная Митци, занимавшая столько места на этих страницах... и в жизни моего деда. Два года. В которые он писал только о вас.

И он закончил совсем тихо:

– Он вас безумно любил.

Проглотив вертевшиеся на языке вопросы, он продолжал негромко:

– Я не знал...

– Топчу ли я еще эту землю?

Внезапный смех озарил ее лицо, и оно на миг помолодело.

– Судя по тому, что эти дневники сказали мне о вашем характере, я полагал, что да, – сказал он с мягкой иронией. – С тех пор у меня было только одно желание, одна цель: найти вас, вручить вам эти дневники, в которых излагаются день за днем два года страсти. Я ужасно этого хотел, ради дедули.

Она встала, кошка скатилась на подушки кресла. Из застекленного буфета она достала бутылку и два бокала от Лалик.

– Нам с вами нужно взбодриться. Мне, во всяком случае. Льда у меня нет.

– Я пью безо льда. Дедуля оставил одно указание – ваше уменьшительное имя, *Митци*. Немного. Но мне улыбнулась госпожа Удача. Показав один из своих ошеломительных фокусов, которыми она так любит забавляться.

Она разлила напиток, села и позволила кошке вернуться на колени.

– Расскажите мне.

– При самых... невероятных, скажем так, обстоятельствах я познакомился прошлой осенью с одной из ваших пансионерок. Она работала тогда в клубе «Платиниум».

Он покрутил ножку бокала в пальцах.

– В ту ночь, когда дедуля умер, ваша пансионерка, Хэдли, была там.

– Она была там? Хэдли? Она встречала... *видела* Нельсона?

От волнения она почти заикалась. Он кивнул.

– Мы с ней слышали его последние слова, его последний вздох. Дедуле она сразу понравилась. Я хотел бы...

Он замолчал, о чем-то задумавшись. Артемисия отпила глоток, чтобы переварить информацию.

– Необычайный случай, – продолжал он. – По причинам, о которых я вам, вероятно, когда-нибудь расскажу, Хэдли заняла место... другой девушки. На самом деле она не должна была там быть.

– Я больше верю в звезды, чем в случай, – сказала Артемисия до жути ласковым голосом.

Их взгляды встретились. Джей Джей поспешно отвел глаза. Он знал, что она увидит в них то, чего видеть нельзя.

– С того вечера мы с ней еще виделись. Из-за меня Хэдли пришлось сменить работу. Она теперь гардеробщица в клубе «Сторк». В первый день она пришла с этим украшением на плече. С этой экстравагантной птичкой... Таких не может быть тысяча.

– Последний подарок, который я получила от Нельсона.

– Это моя сестра, это Элла заметила ее первой. Она узнала птичку, потому что...

Он достал из портфеля коробочку, обитую потускневшим и потертым фетром. Когда щелкнул замочек, Артемисия вся напряглась в кресле, пальцы ее вцепились в подлокотники.

Она не двинулась с места, ни к чему не притронулась. Только неотрывно смотрела в коробочку, где вперемешку лежали сломанные тельца, разорванные перья, тресну-

шие клювики. Казалось, это были вороны, расстрелянные из охотничьего ружья.

Вот что осталось от украшения, которое она в ярости сломала, от птичек, растоптанных в «Бродвей Лимитед» ее маленькими крепкими каблучками на глазах у потрясенного Нельсона. Потому что в тот день он так и не смог произнести слова, на которые она надеялась два года.

– Где... где они были? – спросила она сдавленным голосом.

– У него. До самой смерти он хранил их, хоть и сломанных. Он заказал ювелиру копию, которую послал вам. Ту, которая у вас сейчас. Но эти птички первые – те, что он подарил вам во время поездки в Плейнсфилд, и...

– Так вы знаете всё... – тихо простонала она.

Он не ответил. Всё? Дедуля писал каждый день, иногда каждый час, изливая свою страсть, свою безумную любовь к ней. Но нет, о нет, Джей Джей знал не всё.

– Мадам, простите за вопрос, который я задам вам сейчас, – осторожно начал он, – но... я должен его задать. Непременно.

Он наклонился, сосредоточившись на безупречных стрелках своих брюк.

– Должен признаться, ничто не позволяет мне этого, только наитие... Наивное, но вполне естественное наитие Эллы. Ведь ничто в этих дневниках не указывает ни прямо, ни даже косвенно, что...

Его вальс-колебание вернул улыбку на одеревеневшие губы Артемисии.

– Моя сестра, видите ли, женщина с большим сердцем, – сказал он, наконец посмотрев на нее. – Только благородная душа могла прочесть нечто между строк этих дневников и задаться, в сущности, вполне законным вопросом.

– В конечном счете да. Вы на него похожи. Вы юлите. Ну же, выкладывайте, – проговорила Артемисия шепотом, чтобы смягчить колкость.

Он привстал и сжал руки старой дамы в своих.

– Мадам, – взмолился он. – Ребенок... родился ли ребенок от вашей любви?

Его взгляд устремился на коробочку, на поломанных птичек внутри.

– Я спрашиваю вас, потому что, значит, он сын Нельсона Джулиуса Маколея и, стало быть, имеет...

– Права? – перебила она сухо.

– Он из нашей семьи. Если он существует, это мой дядя, и я хотел бы познакомиться с ним, встретиться, я хочу попросить у него прощения от имени всей родни. Мне бы хотелось... полюбить его.

Артемисия смотрела на него, на ее лице ничего нельзя было прочесть. Она сделала ему знак сесть, не переставая гладить кошку, свернувшуюся клубочком у нее на животе.

– Нет, – ответила она ровным тоном, но довольно резко. – Никакого ребенка не было.

Что-то смутное, и сокровенное, и очень нежное медленно изменило черты ее лица.

– Видит бог, я долго ненавидела Эмили Олдрич по тысяче причин, которые вам могут быть понятны, и тысяче других, которые вам и в голову не придут. Однако сегодня я счастлива видеть вас. Счастлива, что вы живете на свете, что вы тот, кто вы есть, благородный и бесконечно деликатный Джей Джей.

Артемисия залпом допила стакан, зажмурилась и сморщилась, потому что от алкоголя у нее выступили слезы. Она смерила Джей Джея взглядом между мокрых ресниц, у рта залегла складочка, он не знал, насмешливая или лукавая от природы.

– Какими они были вместе?

Он не сразу понял.

– Нельсон и Эмили Олдрич! – рассердилась она, стукнув тростью о пол.

– О, мне было лет десять, когда Ба Милли нас покинула, но я, конечно, хорошо ее помню. Мы проводили почти все каникулы в их доме в Коннектикуте.

– Он накручивал прядь ее волос на палец?

Джей Джей уставился на нее, озадаченный, слегка смущенный.

– Я... Я никогда такого не видел, нет.

Сохраняя нейтралитет, он счел нужным добавить:

– Бабушка связывала волосы в тугий узел.

Она снова принялась гладить кошку, усмехнулась печально и, на его взгляд, почти обидно.

– Он клал ей руку на затылок, когда она наклонялась над тарелкой за столом?

Джей Джей заставил себя не вытаращить глаза. Дедуля, крутящий локон или глядящий шею Ба Милли на семейном обеде, – это было просто... невообразимо!

– Я не замечал, но...

– Любила ли она суп из спаржи?

– Могу поклясться, что она ненавидела даже его запах.

Артемисия вздохнула.

– Я жестока с вами, мой мальчик. И с собой тоже. Разумеется, никто не позволит себе таких жестов с Олдричами.

Он услышал какой-то далекий смешок, хотя взгляд ее оставался очень пристальным.

– Я рада и счастлива, что он позволял их себе со мной.

Нельсон, конечно, любил Артемисию очень сильно. Однако...

Джей Джей закрыл опустевший портфель.

...Однако чувство преданности семье подсказывало ему, что Ба Милли заключила с супругом пакт, который устраивал обоим, и с этим пактом они прошли рука об руку долгий путь на протяжении десятилетий.

Он вспомнил ее на крыльце снежным утром, как она завязывала в три оборота толстый шарф длиной в пять футов под подбородком дедули. Оба тогда неудержимо смеялись,

как могут смеяться взрослые между собой. Такие моменты были редки, но он помнил еще один: на пикнике в Хэмптонсе в ботинок Ба Милли попал камешек. Дедуля, встав на колени, расшнуровал ботинок и вытряхнул камешек, крича и жестикулируя: «Изыди, ренегат! Нога моей жены принадлежит мне!» И снова на них напал этот смех – так смеются только вдвоем.

Конечно, он никогда не расскажет этого Артемисии. Тем более что наступил самый деликатный момент их беседы. Джей Джей должен был передать ей последнюю – самую последнюю – вещь. И самую важную.

Он медленно достал из кармана маленький кожаный кубик с золотой каймой. Сердце его колотилось о желудок.

– Птички не были последним подарком Нельсона. Его последним подарком вам было... вот это.

Он приподнял крышку футляра. Несмотря на годы, сверкающая белизна атласа была девственно чиста. На шпеньеке стояло кольцо, горделивое и смешное, великолепное и бесполезное, с бриллиантами, готовыми взмыть к луне, откуда они как будто прилетели.

Он кашлянул.

– Кольцо... Обручальное кольцо, которое он держал для вас в кармане пиджака целую неделю. Оно было у него в ту поездку на «Бродвей Лимитед», – тихо сказал он. – Ему не хватило... мужества вам его отдать.

Старая дама как будто скукожилась, уменьшилась, уткну-

лась лицом в шерсть кошки и вдруг расплакалась. Джей Джей продолжал еще тише:

– На последней странице последнего дневника написано, что он намеревался преподнести его вам на свидании в «Уолдорфе». Вы прочтете. Он собирался положить футляр под вашу салфетку. Вы бы нашли его за... супом из спаржи.

– Почему же он не пришел? – воскликнула она, горько рыдая и по-прежнему пряча лицо. – Почему не явился сам?

У Джей Джея вырвался бесконечно печальный вздох. Ему хотелось обнять ее, выплакать с ней свое горе. Но он не решился к ней притронуться, она бы разбилась.

– Он приходил, – проговорил он. – Когда он понял, что вы не придете на свидание в тот вечер, он покинул «Уолдорф» и помчался в маленький пансион, где вы укрылись.

Весна метнула в окно солнечный луч, заставивший его зажмуриться.

– Но Митци собрала вещички тем же утром, на рассвете. Она уехала, не оставив адреса.

Джей Джей открыл глаза.

– После этого дедуля убрал перо и чернильницы и перестал писать дневники.

Джей Джей не знал и никогда не узнал, что он был первым человеком, видевшим слезы Артемисии, но в эту минуту, несмотря на свою молодость, он ощущал, как и старая дама, которую он никогда не видел до сегодняшнего дня, скорбь по безвозвратно упущенному вальсу, острое лезвие

непоправимого абсурда.

Он отмахнулся от богатого выбора мысленных формулировок, чтобы тактично проститься.

Она утерла слезы, погладив большим пальцем под глазами, незабытым жестом юной кокетки. И заговорила первой:

– Джей Джей, не испортите все, как Нельсон и я... Жизнь может быть такой глупой. Давайте не будем создавать ей конкуренцию.

– Я постараюсь, – ответил он с чуть натужной веселостью.

Она удерживала его, ее костлявые руки были уже сухи.

– Мой мальчик, я стара и серьезна. Время, о... Оно наш главный противник. Не верьте ему, когда оно нашептывает вам: ждите, – это уловка. Уловка, из которой можно извлечь урок.

Теперь она сжимала его запястья, серьезно, пылко.

– Молчать – вот смертный грех. Поговорите с ней, не медлите.

Их взгляды встретились.

– Я видела ваше лицо, когда вы провожали ее сегодня утром. Поговорите с ней. Поговорите!

– Хэдли?.. – удивленно пробормотал он.

Она молча закусила губу.

– Хэдли не питает ко мне любви.

– Откуда вам знать? Вы ее спрашивали? Говорили ей о своей, о той, что я прочла в ваших глазах, когда она появилась?

Зеленые радужки заглядывали ему прямо в душу.

– Вас останавливает ребенок? – спросила она, вдруг выставляв вперед подбородок чуточку свирепо. – Он вас удерживает? Или... генеалогия Тайлер Тейлора?

– Что? Да ничего подобного.

Он сжал пальцами лоб, словно желая изгнать из головы бог весть какие мысли или страдания.

– Огден? Чем племянник Хэдли может мне...

– Ее племянник!

Он замолчал, не в силах проглотить ком в горле. Глаза Артемисии были пламенем, двойственным пламенем, от которого было и больно, и светло.

– Ох, – вздрогнул он после долгой игры в гляделки. – Я понял.

Его плечи ссутулились. Он надел шляпу, заметил, как дрожат руки, и остался стоять, точно пригвожденный.

– Такая мужественная малышка! Ребенок вас останавливает? – снова перешла она в наступление. – Он меняет ваши чувства?

Джей Джей наклонился, поднял Мэй Уэст с ее колен и почесал ей подбородок.

– Боюсь, абсолютно никак, – произнес он с расстановкой. – Просто я не догадывался и даже не представлял себе эту... ситуацию.

Он уткнулся носом в теплую шерстку кошки.

– А ведь я должен был понять. Как я мог быть так слеп...

Трижды глупец.

Он положил кошку ей на колени и медленно пошел к двери.

– Я вернусь пешком через Центральный парк.

– Вы не слепы и не глупы, – сказала Артемисия. – Просто молоды. Как же вам повезло.

На пороге он обернулся.

– Спасибо, Митци.

– Вам спасибо, Джей Джей.

Уже на лестнице он устался на носки своих ботинок.

– В конце концов, нет, вы на него не похожи... Джей Джей?

Кривая улыбка снова растянула деревянные губы Артемисии.

– Вы играете в покер?

– ...

– В эту игру, в которой мышка воображает себя кошкой, а кошка тигром.

– Хм, иногда. Когда один из моих друзей устраивает мальчишник.

– Приходите на партию как-нибудь вечером. С нами вы сделаете успехи. Кто-нибудь регулярно кладет в карман состояние Вандербильтов и Рокфеллеров... в шоколадках.

– Я обожаю шоколадки.

Поклонившись, он удалился.

– Спасибо, мой красавчик, – пробормотала она закрытой

двери.

Взгляд ее скользнул по сафьяновым блокнотам, лежавшим далеко на круглом столике. Рядом открытая фетровая коробочка, останки перьев, жемчужин и клювиков.

Кольцо на белом атласе.

Она надолго залюбовалась им.

Потом, не дрогнув, точным и решительным жестом женщины, которой кольца и другие украшения хорошо знакомы, Артемисия надела его на палец.

6. The donkey serenade²⁶

В зеркале своего лифта (№ 2, по прозвищу «Топаз») Джо-слин проверил, ладно ли сидит форма, чуть сдвинул набок опереточное синее кепи и нажал кнопку ноль. Менеджер, мистер Ван Киллерфилзее, требовал, чтобы его служащие заступали на нижнем этаже, подальше от глаз завсегдатаев Хаксо-билдинг. Главное, не смешивать божий дар с яичницей.

Что за утро! Джослин вышел очень рано, чтобы проводить Дидо в лицей. Он нес ее книги. Ему это нравилось.

– У меня две руки, как и у тебя, – протестовала она.

– Дело не столько в числе, сколько в массе, – отвечал он, улыбаясь уголком рта.

– Что ты имеешь против моей массы?

– О, только не меняй ее.

Она просунула руку под его локоть, и они сделали крюк мимо пруда с тюленями в Центральном парке.

– Скоро бейсбольный матч в Эббетс-Филдс. «Янкиз» – «Доджерс». Битва будет кровавая. Я за «Доджерс», – добавила она, показав свои красивые зубки. – Джо, ты должен непременно приобщиться к этой игре, пока... пока ты не...

Пока он не уедет во Францию. Они поклялись больше не говорить об отъезде. Ежемесячный шоколадный треуголь-

²⁶ Ослиная серенада (англ.).

ник «Тоблерона» начал всерьез горчить, и Джослин запрещал себе об этом думать.

– Я порылся в теме, – поспешно ответил он. – Эти правила непонятнее квантовой физики. А ведь физику я обожаю.

– Я тебе объясню, Сверчок Джимини. Буду исходить из принципа, что у тебя мозг кузнечика, хоть ты и ас в физике. Имя Бейб Рут²⁷ тебе что-нибудь гово...?

Она вдруг резким жестом отстранила Джослина, вырвав у него сверток с книгами. И с решительным видом зашагала, устремилась, как будто мирная залитая солнцем аллея была Красным морем, воды которого расступились.

Враждебно вздернув подбородок, она обратилась к человеку в сером пальто и серой шляпе, которого Джослин совершенно не заметил.

– Вы знаете, какой фильм я видела вчера. Вы записали в своих досье, какие хлопья я ем на завтрак. И сколько носков я постирала на этой неделе. Вашему патрону, мистеру Дж. Эдгару Гуверу, интересно знать, какие книги я читаю?

Дидо освободила томики от ремешка и принялась перечислять названия, складывая книги стопкой в руки ошарашенному незнакомцу. Она провозглашала, как с трибуны:

– «Скотный двор» Джорджа Оруэлла! Притча против всякой диктатуры, особенно коммунистической! «Незримая

²⁷ Джордж Херман Бейб Рут-младший (George Herman «Babe» Ruth Jr., 1895–1948) – профессиональный американский бейсболист, выступавший 22 сезона в Главной лиге бейсбола с 1914 по 1935 год. Играл на позиции аутфилдера и питчера.

стена», или как Америка умеет себя вести так же скверно, как нацисты! «Осквернитель», в котором мистер Фолкнер рассказывает нам, что можно быть черным и необязательно виновным! «Загнанных лошадей пристреливают»... А! Еще сказки Андерсена! «Девочка со спичками», не суд ли это над теми, кто слишком много ест под носом у тех, кто не ест ничего? Я делаю за вас вашу работу, господин из ФБР. Не благодарите меня! Я всего лишь американская гражданка, а книги еще в свободной продаже!

Мужчина стоял разинув рот. Но когда она пошла на него, скрестив на груди руки, точно горделивая Жанна на костре, он резко изменил поведение и холодно смерил ее взглядом из-под полей своей серой фетровой шляпы. Спокойно, как нечто само собой разумеющееся, он побросал книги одну за другой в урну для мусора и удалился без единого слова.

Она усмехнулась, чтобы подавить слезы, которые жгли ей грудь, грозя задушить.

– Скажите мистеру Гуверу, что, вместо того чтобы тратить наши налоги на шпионаж за Америкой, пусть лучше финансирует библиотеки для повышения культурного и духовного уровня своих агентов... Если они умеют читать!

Дрожа с головы до ног, она достала книги из урны, а серый человек между тем скрылся за деревьями.

– Чертовски смело, мисс, – шепнул ей один из зевак, наблюдавших за сценой. – Но вы все-таки осторожней.

Она медленно вернулась к Джослину и довольно долго не

могла произнести ни слова. Он обнял ее, и она позволила себе разрыдаться.

– Мерзавцы. Но я тоже не прячусь.

Джослин чувствовал гордость. Гордость и бессилие.

– Чудеса, – шмыгнула она носом. – Теперь мне страшно.

Ему тоже.

У ограды школы «Тойффелл» она оставила его, коротко чмокнув в щеку. В Америке можно было нарваться на штраф за *french kiss*²⁸ на людях. Он впервые пожалел, что не находится с ней в Париже.

– Пока, Сверчок Джимини! – крикнула Дидо, направляясь к группе учениц.

Несмотря на еще влажный нос, она заметно взбодрилась. Или очень хорошо притворялась.

Автобус в обратном направлении еле тащился по пробкам 31-й улицы, так как весна выпустила в город всю свою фауну, и отнюдь не только типов в серых шляпах и пальто. Все же Джослину удалось явиться точно вовремя на рабочее место.

В Хаксо на двадцать втором этаже ждала группа: четыре юриста из адвокатской конторы «Томпсон, Андрасси, Джарвис & Боллбуш», чьи кабинеты располагались справа по коридору. Джослин уже научился различать некоторые лица в Хаксо-билдинг, хотя пятьдесят восемь этажей еще скрывали множество тайн.

– *Hi*, Джо! – поздоровался мистер Андрасси, сорокалет-

²⁸ Французский поцелуй (*англ.*).

ний мужчина, носивший (и с трудом выносивший) парик.

Часто мистер Андрасси, пользуясь тем, что был один в кабине (с Джослином, но лифтер не в счет), без стеснения приподнимал его и с наслаждением чесал голову, лишенную волосяного покрова.

Сегодня мистер Андрасси был не один. Парик крепко сидел на голове.

– Подпишите этот чек, – советовал он своему коллеге мистеру Боллбушу. – Оставьте мне черную работу, я сам впишу цифру и мое имя.

Мистер Джарвис, мужчина лет шестидесяти, которого Джослин однажды застал боксирующим с воображаемым противником перед зеркалом «Топаза», туманно проронил:

– Бог дает нам горести и трудности. Дьявол – бренди и *French fries*²⁹.

Они вышли на первом этаже. Джослин успел помахать своей коллеге Слим, которая управляла лифтом № 3 (по имени «Рубин»). В проеме закрывающейся двери ее губы беззвучно выговорили: «Привет, Джо!»

Новый поток пассажиров взял штурмом кабину Джослина.

Восьмой. Двенадцатый. Тринадцатый. Двадцать первый. Потом прямиком на сорок третий. Рабочий день закончится в три, и он помчится отсиживать свои четыре часа на занятиях в Пенхалигон-колледже.

²⁹ Картофель фри (*англ.*).

Нью-йоркские лифты не переставали его ошеломлять. Во Франции, как правило, надо было потянуть тяжелую решетку, которая отъезжала с оглушительным лязгом, и толкнуть скрипучие деревянные створки. Видимые провода вибрировали, как струны виолончели. Поднимаясь, можно было успеть поболтать с консьержкой, натиравшей пол на лестнице.

Здесь – ничего подобного. Кабина в Хаксо-билдинг едва слышно шипела, размером была в три раза больше ванной в «Джибуле» и комфортна до роскоши. Она походила на шикарную кондитерскую, с двумя скамейками, обитыми миндально-зеленой кожей (на которых регулярно разваливался мистер Стронджер, мастер педикюра с семнадцатого; он страдал от косточки на ноге), пышным ковром заманчивого лакричного цвета и почти богемским зеркалом.

Ее стены, атласно поблескивающие, как слоновая кость, предлагали вам две картины. Две возможности счастья в серебряных рамках: на одной вы участвовали в регате в Нантукете; на другой Ван Гог дарил вам свои ирисы. В центре коврового покрытия лежал маленький круглый коврик, которого, по необъяснимой причине, все избегали.

Алтея Хатчесон вышла из кафетерия на седьмом этаже. Она загасила сигарету (да, в кабине были и три пепельницы, все из оникса).

Сегодня на голове миссис Хатчесон красовалась шляпка из бархата и соломки, плоская, как камбала, украшенная

мини-вуалеткой, которая не скрывала ее глаз, голубых, как у Елены Рубинштейн. Она каждый день меняла шляпки и работала на пятнадцатом в «Нью-Комет», где сочиняла рекламные слоганы для кукурузы в банках и мясных консервов, пластмассовых зонтиков, зажигалок с защитой от ветра и лака для ногтей.

– *Kè ponse vu dè mou nuvo shapo?*³⁰ – с трудом выговорила она. Эту фразу она наверняка разучивала несколько часов.

– Никогда не видел ничего симпатичнее, – ответил он по-французски (и нажал кнопку 15). – Ставлю ужин с Кэри Грантом, если ваш голос так же красив, как ваши перья, то вы – Феникс наших дубрав.

Она на всякий случай прыснула, очень мало зная французский и совсем ничего о Лафонтене. Джослин оценил шляпку с усиленной эзотерической мимикой, подергивая себя за ухо.

– Нет, – заключил он.

– Нет? – переспросила миссис Хатчесон, готовая встревожиться.

– Нет. Не меняйте ни перышка. Эта *bibi*³¹ превосходна.

Миссис Хатчесон повела носом, похожим на редиску формой, влажностью и цветом, и вышла из прибывшего по назначению лифта.

³⁰ Как вам моя новая шляпа? (*искаж. фр.*)

³¹ Женская шляпка (*фр.*).

– *Von voyage!*³² – бросила она, семена по коридору напротив.

Джослин нажал кнопку, удерживающую двери открытыми. Он любовался ее быстрой походкой, хотя двигалась она почему-то медленно, и узкой юбкой, позволяющей ей только очень-очень-очень мелкие шажки.

Она скрылась. И тут он увидел Алисиного Кролика.

Он удержал дверь, оторопев. В Хаксо-билдинг Кролик появлялся только на этом этаже. На пятнадцатом. Странно, не правда ли? Джослин осторожно высунул одну ногу из кабины.

Обычно Кролик являлся ему с идеей или вертевшимся на языке словом. Или с образом, воспоминанием... Короче говоря, что-то знакомое, принесенное ветром с Дальнего Запада его подсознания, мелькало в голове так мимолетно, что мозг не мог его удержать. В точности как Алиса на берегу реки видела убегающего Белого Кролика.

Кролика придумала его мать для семейного пользования. Бруйяры единственные на свете могли видеть его, говорить с ним и о нем – о Кролике.

Джослин огляделся. Он видел только Кролика. Конторы, кабинеты, офисы сдерживали за закрытыми дверьми глухой гомон трудящегося человечества.

Где-то играли на пианино, ноты были приглушены стенами и тройной толщиной ковра. Табличка в холле указывала,

³² Счастливого пути (*фр.*).

что в Хаксо-билдинг среди тысячи видов деятельности есть и музыкальная школа, но Джослин еще не встречал ни учителей, ни учеников, их расписания не совпадали.

Кролик насмешливо помахал ему лапкой и скрылся за поворотом.

Опытные пальцы исполняли сонату К. 263 Скарлатти. Джослин хорошо знал эту сонату. В последний раз он играл ее в шале в Вермонте, в свою зимнюю эскападу с Дидо и Космо.

Но что этот музыкальный фрагмент должен был ему напомнить? Как он ни ломал голову, не мог понять, откуда взялся Кролик. Он помнил, как неустанно сражался со *стакато диминуэндо* на пианино бабушки с дедушкой в Сент-Ильё, во время войны. Вой на...

При чем тут она? Он задумался. Кролик исчез, оставив ему эту загадку.

Лифт вызвали с шестнадцатого. Джослин вяло вернулся в кабину, и металлические двери заглушили Скарлатти с его пресловутой сонатой К. 263.

На площадке шестнадцатого мисс Шаумшлагер, секретарша патрона, раздраженно постукивала ногтем по круглому воротничку.

– Проблема с управлением, Джо?

– Нет, мисс Шаумшлагер. Я... я только видел, как по коридору бегал кролик.

Она искоса взглянула на него.

– Вы пьете, надеюсь, только пепси-колу?

Он весело и виновато вспомнил *волшебный* томатный сок, который разделил с Билли Холидэй однажды вечером в «Боп-Ча».

– Нет... еще кока-колу.

– Кролик, говорите?

– Весенние соблазны, мисс Шаумшлагер.

Девятый. Восьмой.

– Кролик или... э-э... крольчиха? – осведомилась она.

– Ни брюк, ни платья, ни даже купальника, так что с уверенностью не скажешь. Он был голый.

– Голый кролик? – повторила она, поморщившись.

На седьмом, где помещался ресторан самообслуживания, он обменял мисс Шаумшлагер на толчею машинисток, ассистентов и секретарей. На первом этаже его лифт открылся одновременно с лифтом Слим.

– Ну и лицо у тебя, – сказала она, пока людской хаос растекался по просторному холлу.

– Знаешь... про Кролика? Я снова его видел.

– Опять на пятнадцатом?

– Опять на пятнадцатом.

– Попроси морковку у Хильды в кухне. Это задобрит твоего грызуна, и он, может быть, расскажет тебе свои мемуары.

Он помчался на третий, где ждал мистер Альбадилья, местный пожарный.

– *Ni*, Джо! Как дела? Все еще влюблен? Меньше, чем вче-

ра, и больше, чем завтра, а?

Он раскатисто рассмеялся и откусил кончик сигариллы.

– Мне звонят с двадцать девятого. Вероятно, кто-то не потушил окурок.

Джерри Альбадиля был отцом девяти детей и ждал десятого (может быть, и одиннадцатого, у него часто рождались близнецы). Это вкупе с сапогами пожарного придавало ему вид людоеда.

Секретарша патрона вновь появилась на седьмом, возвращаясь из ресторана с картонным стаканчиком чая в руке.

– Мисс Галлахер! – воскликнул людоед Альбадиля. – Какой у вас сегодня красивый воротничок.

– Не Галлахер. Шаумшлагер, – поправила она, отпив глоток. – Спасибо за комплимент, мистер Альбадиля.

Альбадиля подмигнул Джослину. Она носила только круглые воротнички, которые во Франции называют «Клодина».

– Это что-то значит? Ваша фамилия?

– Я не знаю, мистер Альбадиля, – ответила она, чуть зардевшись. – Она швейцарская.

Ей не хотелось, чтобы ее считали немкой. В конце концов, на дворе был 1949 год.

– Фанфарон, – прошептал Джослин, когда она вышла на шестнадцатом.

– Что?

– *Шаумшлагер* значит по-немецки «фанфарон».

– Фанфарон? Вау... Мисс Фанфарон, а?

Джерри Альбадилья громко заржал, суча ногами и хлопая себя по ляжкам, отчего кабина сотрясалась до двадцать девятого этажа.

7. Diamonds are girl's best friend³³

Они столкнулись в холле студии Эн-би-си, Пейдж – потому что пришла раньше, Шик – потому что опаздывала.

– Я не знала, что ты...

– Ты мне не говорила, что...

– Я иду что-нибудь съесть в кофешопе. У меня всего двадцать минут, – предупредила Пейдж.

– Хватит на листик латука. Даже с капелькой майонеза. Я умираю с голоду.

Они нашли свободную банкетку у большого окна, выходящего на статую Атланта перед Рокфеллер-центром.

– Я провела два часа в обществе тираннозавра в родах, утыканного булавками, – сказала Шик. – Фотосессия для «Дэйли-Бэби» с супер витаминизированной кашей. Пытка за сорок пять долларов с младенцем, которому вообще не нужны витамины.

– Что ты делаешь на фотографии?

Лицо Шик осунулось, макияж расплылся бурными потеками под глазами.

– Я засовывала ему в рот ложки каши, а он выплевывал ее на меня и фотографа. Пришлось бежать под душ.

Они принялись за сэндвичи с холодным ростбифом, которые когда-то заливали горчицей, кетчупом и соусом бар-

³³ Бриллианты – лучшие друзья девушек (англ.).

беку.

– А ты? – спросила Шик с полным ртом. – Ты никому не говорила, что работаешь на Эн-би-си, скрытница.

Покосившись на часы, Пейдж поспешила проглотить кусок.

– Я ничего не скрываю. Меня взяли час назад.

И добавила тихо, словно исповедуясь в грехе:

– Роль в сериале на радио.

– Фантастика! Это значит регулярный заработок много недель, детка. Если только ты не умрешь на первой серии.

Пейдж уставилась на сэндвич, съеденный на три четверти, и по ее лицу можно было подумать, что он, в свою очередь, может ее укусить.

– От всей души надеюсь, что Эддисон не узнает мой голос на радио волнах.

– Я думала, что ты с ним больше не встречаешься.

– Я с ним больше не встречаюсь.

Она не сводила глаз с сэндвича. Шик подумала, что он и вправду ее укусит.

– У него такое высокое понятие о профессии актера. Я бы ужасно его разочаровала.

– Но вы ведь больше не встречаетесь! Ты не будешь до-едасть?

Шик доела и сэндвич Пейдж.

– Я не думала, что ты еще по нему сохнешь. Мне казалось, что тот *молодой* преподаватель из Актерской студии заста-

вил тебя его забыть.

Проигнорировав упор на слове «молодой», Пейдж встала.
– Пойду принесу кофе.

Она пробралась сквозь толпу к стойке. Белокурая девушка, которую барменша только что обслужила, развернулась с подносом в руках и толкнула Пейдж, искавшую в кошельке мелочь.

– Извините... Боже милостивый, да это вы, Пейдж! Как я рада вас видеть...

Они регулярно встречались на прослушиваниях, часто бывали конкурентками на одну и ту же роль, но мисс Келли обрадовалась ей так, будто они были школьными подругами.

Между тем целый океан разделял шикарный квартал в Филадельфии, где мисс Грейс Келли растили няни и бонны, и Путнамс-Лэндинг, где Пейдж росла как трава с мамой и папой, которые гнали ячменный самогон в сарае.

Воздушная, пленительная, с ослепительной прозрачной кожей, со строго горизонтальными плечами над подносом, на котором она несла веселенький салат и стакан воды, мисс Келли была само совершенство.

– Репетируем телевизионную постановку к сегодняшнему вечеру, – сказала она, когда Пейдж осведомилась, каким ветром ее занесло сюда, в студию Эн-би-си. – Диалоги – это еще ничего, повсюду шпаргалки. Даже в компотнице под персиками. Но знать наизусть все передвижения, боже мой! Тысячи отметок на полу...

Она поставила поднос и стакан на столик напротив собо-
ра Святого Патрика в раме французского окна. Пейдж ото-
двинула в сторону забытую кем-то газету. Сгиб не давал раз-
глядеть нижнюю часть портрета – угрюмый молодой человек
с запавшими глазами – и подпись, от которой было видно
лишь несколько букв: ...*рце в Монт...*

Окропив салат капельками уксуса, мелкими, как роса,
Грейс продолжала:

– Камеры будут снимать нас в прямом эфире и на публи-
ке. Без права на ошибку. Хотите посмотреть? – пригласила
она радушно. – Сегодня мало зрителей, а нам нужны апло-
дисменты.

– Никак не могу. Через шестнадцать минут начинаю за-
пись на радио.

– Поздравляю! Реклама?

– Сериал.

...*рце в Монт...*? Пейдж ненавидела загадки. Она перевер-
нула газету и прочла заголовок: *Скоро у Монако будет новый*
принц. Будущий правитель Ренье III в своем дворце в Мон-
те-Карло. Она представила себе какого-нибудь Эддисона де
Витта в казино на Ривьере...

– Реклама, похоже, работает на вас, Грейс. Вы во всех жур-
налах, и я видела вас в новостях, в кино, в вашем последнем
*fashion film*³⁴.

³⁴ Модный фильм (*англ.*), имеется в виду рекламный ролик.

– *Fashion Honeymoon*?³⁵ Новобрачные на Бермудах? С моей стрижкой под мальчика? Фу. Снимали на Лонг-Айленде... А я-то надеялась побывать на островах!

Пейдж скользнула мечтательным взглядом по газете.

– Монте-Карло, Канны, Французская Ривьера... Нам и правда тренируют воображение.

Грейс рассмеялась, не взглянув на ненужную газету, решительно смяла ее и столь же изящным, сколь и точным броском отправила в корзину.

– Ваши костюмы в *Fashion Honeymoon* один другого восхитительнее, и вы были ангелом с короткими волосами, – продолжала Пейдж. – А теперь телевидение... Вы бросили театр?

Грейс выдержала паузу, чтобы опустить монетку в музыкальный автомат. Ее изысканный ноготок выбрал *Mañana*³⁶ Пегги Ли.

– Это театр бросил меня! – вздохнула она, смеясь. – И ведь не потому, что я не коллекционирую прослушивания. А как вы?

– То же самое, – уклонилась Пейдж. – Моя подруга Фелисити ждет меня там. Рада была снова увидеться. Удачи.

– Кто эта блондинистая фифочка? – поинтересовалась Шик с подковыркой и ноткой зависти, когда Пейдж вернулась с кофе. – Я уверена, что где-то ее видела.

³⁵ Модный медовый месяц (англ.).

³⁶ Завтра (исп.).

– «Редбук». «Вуманс Мансли». «Лук»...³⁷ Ее зовут Грейс Келли.

– А, ясно! Наш пострел везде поспел. Снотворная мордашка девушки по соседству. Все равно, я бы так хотела попасть в *fashion films*... Тебе платят восемьсот долларов за кукольный обед на Бермудах в платьях и с прическами королевы. А я получаю семьдесят в год за «Дэйлиз Дог». Чем эта карамелька лучше меня?

– Она похожа на американский идеал, которым ты никогда не будешь, Шик. Ты не карамелька. Ты... Несмотря на свой голосок-колокольчик, она выйдет в звезды, это уж как пить дать.

– Угу. В этом восхитительном квадратном подбородке решимости как в танковой дивизии вермахта. Ты заметила, какая вереница рубинчиков журчит на ее браслете? Я да. О, еще как да.

Пейдж не обратила никакого внимания на журчащие рубинчики.

– Я не мечтаю ни о ее белокурых волосах, ни о ее подбородке, ни об ее осанке принцессы, – продолжала Шик. – Только о ее браслете. Она сама себе его позволила? Или ей подарил мужчина? Хотела бы я знать.

– Фиалки? – предложила старушка, устроившаяся на соседней банкетке.

Ни Пейдж, ни Шик не заметили, как она села. Она при-

³⁷ Американские журналы.

подняла шарф в зеленых ракушках, которым была накрыта ее корзина с цветами, напевая не в лад с музыкальным автоматом:

Mañana! Mañana!

Mañana is soon enough for me...³⁸

Улыбаясь с доброй насмешкой, Пейдж купила букетик и преподнесла его Шик.

– Пока не хлынул поток бриллиантов, рубинов, топазов...

Тронутая сильнее, чем готова была признать, Шик приколотла фиалки к воротнику.

– Спасибо, детка, ты просто прелесть... Но, в конце концов, ты-то получила орхидеи, – добавила она почти невольно.

– Я отдала бы все орхидеи мира за звонок от Эддисона, – тихо сказала Пейдж.

Шик задумчиво погладила букетик. Да, верно, она не получила орхидей. Зато звонок она получила! Уйти ей позвонил! Ни за что на свете она не променяла бы этот звонок ни на какие орхидеи.

Шик тронула ее за руку. Она могла позволить себе быть великодушной.

– Ты слишком робкая, Пейдж. Если он тебе нужен, твой Эддисон, бегай за ним, схвати его за шиворот и не выпускай.

³⁸ Завтра! Завтра! Завтра достаточно скоро для меня... (исп., англ.)

Пейдж засмеялась, с тем же успехом она могла бы пожать плечами.

– Это не прокатит. Не с Эддисоном Де Виттом.

Старушка с фиалками покачивала шляпкой в такт музыке, потягивая вермут с черносмородиновым ликером.

Ma motha says I'm lazy, my fatha says I'm no good,
But I'm no lazy, I just like live my life
Mañana! Mañana!..³⁹

– В сущности, лучше всего сейчас тебе подходит слово... грустная. Ты гордишься своей грустью, Шик. Нет, не отрицай, не притворяйся. Не со мной.

Шик похлопала ресницами. Она ухватила кубик сахара большим и указательным пальцами, подержала его на весу над своим кофе. Подумала и отложила. Она выпьет горького.

– Я подсела на контрастный душ, – признала она. – Сегодня утром вода чудесным образом стала горячей. В последние недели это был... лед.

Улыбка ее стала кривой.

– А ведь я любила только душистые ванны комнатной температуры.

– Как правило, контрастный душ – это ты, – сказала Пейдж. – Ты окатываешь мужчин то жаром, то холодом.

³⁹ Моя мать говорит, что я ленивая, мой отец говорит, что я нехорошая, Но я не ленивая, мне просто нравится жить своей жизнью. Завтра! Завтра! (искаж. англ., исп.)

– Ты хочешь сказать, что я пожинаяю то, что заслужила?

– Конечно, нет. Это так, вот и все.

– А у тебя с Эддисоном тоже так?

Она не смогла удержаться.

– И у меня с Эддисоном, – согласилась Пейдж. – А теперь мне пора. До вечера?

Шик проводила ее глазами. До вечера, да. Она сегодня свободна. И завтра вечером тоже свободна. Но послезавтра... послезавтра... о, послезавтра...

Она выпила кофе, закрыв глаза. Он не был горьким.

8. Annie, get your gun⁴⁰

В театре «Корнголд» в Атлантик-Сити занавес в этот вечер, после четвертого и последнего акта «Коммуниста в доме», упал на шестнадцать минут раньше.

За три дня до этого, в «Монако» в Ньюарке, он опустился раньше на четыре минуты. За неделю до того, в «Марлетт Серкл» в Покипси, Ули Стайнер уже сократил пьесу минут на десять по ходу представлений.

Из Нью-Йорка вздох Уиллоуби шипел в ухо Манхэттен, длинный, как разделявшая их телефонная линия.

– Вы хотите сказать, что у нашего великого человека провалы в памяти?

Старшая костюмерша называла кошку кошкой.

– Нет, – ответила Манхэттен, – я говорю, что Ули делает это нарочно. Ему претит эта пьеса, он никогда не хотел ее играть. Вот он и сокращает ее. Он ее тем более ненавидит, что никто не приходит ее смотреть. Смотреть его.

Она прильнула губами к трубке.

– Уиллоуби... Это просто ужасно. Никого нет. Никого! Горстка зрителей каждый вечер. Пьеса провалилась, и Ули в кошмарном состоянии. Директор «Корнголда» собирается отменить четыре представления из оговоренных в контракте семи. Как сообщить это Ули?

⁴⁰ Энни, возьми свое ружье (англ.).

Уиллоуби сделала паузу, чтобы выдохнуть дым сигареты.

– Его первый крупный облом с публикой. Бедняга. С ним редко такое случалось. Разве что в самом начале.

– Это даже не самое страшное... Дата его явки в комиссию⁴¹ уже назначена. Мы уезжаем в Вашингтон на той неделе. На помощь, Уиллоуби! – выдохнула Манхэттен.

– На помощь, Манхэттен, – безмятежно отозвалась костюмерша. – Я не променяю мою головную боль с доставкой тканей на весь этот цирк. Что я могу сказать? Держитесь, старушка.

Манхэттен повесила трубку. Прислонившись к стене, посмотрела, не видя, на табличку *No smoking*⁴² над огнетушителем. И набрала номер Скотта.

– Алло? – ответил молодой женский голос.

Манхэттен едва не повесила трубку, ничего не сказав.

– Алло? Алло? – настаивали на том конце провода.

– Извините меня... Могу я... поговорить со Скоттом? Скоттом Плимптоном?

Она услышала веселые детские крики.

– Он уехал на неделю. Я его сестра. Что-нибудь передать?

Манхэттен закусила изнутри щеку. Нет, не надо ничего передавать, она хотела поскорее повесить трубку.

– Вы Манхэттен?

⁴¹ Комиссия Палаты представителей американского Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. (Примеч. автора.)

⁴² Не курить (англ.).

Он говорил о ней! Скотт говорил о ней своей сестре.

– Это я.

– Привет. Я Лана. Мы явились сюда всем табором с детьми, потому что в нашем доме на Статен-Айленд ремонт. Четверо детей, двое взрослых и собака в квартире Скотта, представляете себе?

Как можно было противиться такому радушию? Манхэттен выдохнула.

– И правда, я с трудом представляю столько народу в трех комнатах.

Черт. Она проговорила, что была у него. Манхэттен закусил губу. Не ловушка ли это?

– Он уехал по работе? – осторожно поинтересовалась она.

– На стажировку у стряпчего в Бостоне. Куда он может вам позвонить?

– Я в турне с театром. Звонить мне не очень удобно. Передайте ему просто... привет.

Лана рассмеялась. Смех был звонкий, дружелюбный.

– Я, знаете ли, могу и поцеловать его. От вас, конечно.

Манхэттен вдруг заметила длинные ноги кузнечика: за кулисами бродил Рубен.

– Спасибо, – сказала она. – И... поцелуйте Дину тоже.

– Конечно. Не прямо сейчас, она участвует в конкурсе по выдуванию пузырей из жевательной резинки с кузенами, перемазала щеки и волосы, вся в розовой липкой паутине. Скотт будет очень рад, что вы позвонили. И, да... Манхэт-

тен?

– Я здесь.

– Нам всем не терпится с вами познакомиться.

Манхэттен повесила трубку, ноги приятно обмякли, сердце было легким, как розовый липкий пузырь. Круглые очки Рубена показались из-за левой кулисы.

– Я ждал тебя, – сказал он. – Я проголодался. Пообедаем вместе?

Они вышли на морской ветер, задувавший над дощатым настилом Бродуолка. Вечерняя толпа теснилась как на Таймс-сквер в субботний вечер. В Атлантик-Сити все вечера были субботние.

– Этот город – настоящий театр марионеток, – говорил Рубен. – Эти кричащие фасады. Колёса обозрения. Карусели с неоновыми огнями. Мигающие повсюду казино.

Манхэттен поправила очки, защищаясь от ветра. Болтать ей не хотелось. Хотелось продлить впечатление от такого радужного разговора с сестрой Скотта.

Она дождалась, когда они уселись в вафельной, чтобы вернуться в реальный мир, тревожный мир Ули Стайнера.

– Как сообщить ему об отмене спектаклей?

– Дирекция театра возьмет это на себя, – ответил он. – Это ее работа.

– Я... я посоветовала Пенткоуту не делать этого.

Рубен поперхнулся блинчиком с сыром.

– Он, должно быть, был в восторге, что ты извлекла у него

эту занозу. Почему же?

Он вытащил салфетку из подставки на столе и вытер подбородок. Взгромоздившись на высокие табуреты, они сидели лицом к окну, на виду у прохожих на Бродуолке, как манекены в витрине магазина.

– Кто же тогда делает грязную работу?

Манхэттен ничего не ответила, уткнувшись в нетронутый блинчик.

– Этого я и боялся, – вздохнул Рубен.

Он тихо рассмеялся. Она тоже.

– О нет. Без меня, – сказал он.

– Кому это сделать, как не нам? Рубен, надо щадить Ули. Ему сейчас очень плохо. На сцене он на автопилоте, вне сцены... на автопилоте.

– Почему лучше нам, чем директору театра? А ты? Какой божественной миссией ты считаешь себя облеченной, несчастная?

– Я его дочь.

– Он этого не знает. Ты забыла?

– А ты его сын.

– Об этом мне приходится время от времени ему напоминать! – вздохнул он. – Сорбет, чтобы достойно завершить этот обед, который ты не ешь?

Она отрезала треугольник блинчика, насадила его на вилку, но ее путешествие ко рту затормозило удручающее видение.

– Рубен... Может ли быть, что Ули правда сядет в тюрьму? Или хуже того, никогда больше не сможет выступать на сцене? Как эта пресловутая Голливудская десятка. Сценаристов, бывших коммунистов, осудили и посадили в тюрьму. Другим студии не дают больше работы. Ты думаешь, это возможно?

Рубен повел своими тощими плечами в знак того, что такое предсказание выше его компетенций.

– Ули не коммунист и никогда им не был, – сказал он просто. – Я возьму на десерт вафлю с лимонным сиропом. А ты?

– Тебе плевать на все это, да?

– Ничего подобного. Я просто думаю, что надо решать проблемы в порядке поступления. Сегодня проблема – наше турне. Это фиаско. Ули это знает. Ты это знаешь. Я это знаю. Вопрос: надо ли продолжать или собрать вещички?

Она задумалась, поглощенная бликами и тенями на Бродуолке по ту сторону стекла. Маленькая девочка прыгала по расположенным в шахматном порядке доскам, держась за веревочку желтого воздушного шарика и за папину руку.

– Знаешь что?

Завороженная веселым потоком гуляющих людей, она рассеянно отозвалась:

– Что?

– Возвращайся танцевать, Манхэттен. В шоу на миллион долларов или в любой притон. В шикарный клуб или в кабаре средней руки. Даже в Луна-парк. Это твоя жизнь. Танце-

вать. А не заниматься рубашками мистера Стайнера.

Он поправил очки на длинном стайнеровском носу.

– Это не мешает тебе продолжать видеться с Ули... Эй!

Куда ты?

Манхэттен вдруг соскользнула с табурета и схватила сумочку. Она была вся красная и мотала головой. Рубен смотрел ей вслед, когда она бежала к выходу.

– Можешь доесть мой блинчик! – крикнула она и скрылась.

На дощатом бульваре вдоль океана она поискала глазами фигуру в светлом костюме, которую увидела через окно вафельной. Она побежала. Это было нелегко в вечерней сутолоке. Ее чуть не сбил *rolling chair*, один из вагончиков, катающих туристов по Бродуолку.

Силуэт появился снова! Он шел в направлении пирса, дамбы. Манхэттен припустила быстрее. Она нагнала его на перекрестке Бродуолка и Нью-Йорк-авеню, у башенки с красной крышей отеля «Лексингтон». Толпа перед ним была плотная, но более смирная.

Манхэттен отдышалась. На фасаде отеля сотни воздушных шариков раскачивались гроздьями вокруг слепящих прожекторов и рекламных плакатов. Гигантское белое полотнище хлопало на ветру синими буквами:

МИСС АТЛАНТИК-СИТИ

1949

Ули Стайнер, силуэт в светлом костюме и панаме, остано-

вился на площади перед «Лексингтоном», где возвышался украшенный цветами подиум в окружении трибун. Духовой оркестр громыхал *Heat Wave*⁴³.

– Что здесь смотрят? – осведомилась Манхэттен у группы зевак.

– Отборочный тур, – сказал мужчина. – Осталось только четыре девушки. Жюри там.

– Почетный председатель Томми Дакота, поющий ковбой, – добавила женщина.

Манхэттен поблагодарила и стала протискиваться к Ули.

– Разве вы не сказали, что идете ужинать? – крикнула она, чтобы перекрыть звуки оркестра.

⁴³ Волна тепла (*англ.*).

9. Let's be buddies⁴⁴

Ули едва повернул голову.

– Разве вы не сказали, что идете звонить? – отозвался он.

– Вам привет от Уиллоуби.

Оркестр сбавил громкость, и очень кстати. Розовощекий мужчина в белом фраке весело схватил микрофон и пожонглировал им.

– *And now, ladies and gentlemen*⁴⁵, поаплодируем нашим четырем финалисткам! Четыре феноменальные красавицы на одну корону! Которая же победит?

Девушки приблизились – одна рука на бедре, бюст вперед, нога выставлена, – затянутые в новомодные купальники, именуемые «бикини».

– Мейбл? Джинни? Сэнди? Дороти? Кто станет мисс Атлантик-Сити сегодня вечером? Корона в этом розовом конверте. Счастливица унесет с собой шестьсот долларов, подарок от «Траст-Сейвинг-банка», и две недели, да, две недели на озере Тахо, подарок от рыболовного клуба «Фиш энд Фишер»! Год бесплатного мыла «Люкс», мыла звезд, и это еще не все! Она получит также...

Остаток списка перекрыли бурные аплодисменты. Манхэттен наклонилась к уху Ули.

⁴⁴ Будем друзьями (англ.).

⁴⁵ А теперь, дамы и господа (англ.).

– Мейбл? Джинни? Сэнди? Или Дороти?

Ответа она не дождалась, так как в эту минуту скульптурных форм девушка окликнула Ули, размахивая руками. Он коротко приветствовал ее в духе Стайнера: обольстительно и лаконично. Работая локтями, девушка протиснулась к ним. Она была очень большая и восхитительная, с кудряшками, с розовыми щечками младенца, вскормленного отборным зерном. Чем ближе она была, тем больше заполняла собой все пространство.

– Привет, сокровище! – воскликнул этот колоссальный младенец, сияя улыбкой. – Я знала, что мы встретимся.

– ...and now, ladies and gentlemen, наш почетный председатель исполнит одну из своих легендарных песен. *Please, Don't Wait For Me Under the Cherry Tree!*⁴⁶ Дамы и господа, Томми... ДАКОТА!!

– Салли, – представил девушку Ули. – Это Манхэттен.

Гигантская Салли не заметила ее присутствия. Очки, похоже, успокоили ее, как и поспешное замечание Ули:

– Наша ассистентка по костюмам.

Зачарованный иррациональными формами вновь прибывшей, он объяснил Манхэттен, не глядя на нее:

– Мы встретились вчера на отборочном туре, здесь же, и мило поболтали, не правда ли, Салли? Об ужасной губной помаде члена жюри номер восемь, о бутылке «Джека Дэниелса», которую прячет ведущий в кармане, об артритных ко-

⁴⁶ Пожалуйста, не жди меня под вишневым деревом (англ.).

лениях поющего ковбоя и о зубах бобра-фотографа... Короче, треп обо всем на свете, скрепляющий дружбу.

– Мы так смеялись! После этого я могла бы попросить у него его кальсоны! – прыснула Салли, дав Манхэттен дружеского тычка. – Но что бы я с ними делала, а?

– Парашют? – дерзнула предположить Манхэттен.

Салли взвизгнула от восторга. Зубы у нее тоже были младенческие, до жути мелкие во рту великанши.

– Короче, – вмешался Ули, испепелив Манхэттен взглядом. – К концу вечера мы с Салли были друзьями детства.

– Правда? – восхитилась Манхэттен. – Салли, вы не выглядите на свой возраст.

– Я хотела участвовать в конкурсе на мисс Атлантик-Сити, – продолжал младенец, не заметив шпильки. – Не повезло, они сказали, что я слишком большая.

– Вы хотите сказать, слишком старая? – уточнила язва без улыбки.

– Слишком высокая. Шесть футов два дюйма. Каждый раз одно и то же. Вечно меня оставляют за бортом, я как зачумленная.

– Добро пожаловать в клуб, – буркнул Ули.

– Сколько будет в Гарбо? Ее рост не мешает ей быть звездой, а у меня ноги меньше, чем у нее.

– Счастливица, – прошелестел ей Ули. – Подумайте о девушках, которых исключили из соревнований, потому что у них черная кожа.

– Да ладно. Не надо о грустном. Большая – это уже серьезное препятствие... Но черная! Откуда у вас такие мысли, сокровище?

Она посмотрела на него искоса.

– Я белая, и, по идее, меня должны были принять. Имоджен, моя подруга из Скенектэди, одолжила мне свой талисман, бриллиантовый, из Бронкса, он приносит счастье.

Она задумалась и, помолчав, прошептала:

– Вы коммунист, сокровище?

– Никогда в жизни. Откуда у вас такие мысли, лапочка?

Девушка выдохнула с облегчением, вращая глазами так, будто избежала шальной пули. Она показала розовую брошку, теряющуюся в округлостях, выпиравших из ее декольте.

– Талисман. Благодаря ему моя подруга Имоджен получила третью премию от консервированных абрикосов на благотворительной ярмарке в Скенектэди. Но для меня он, кажется, не работает.

Они сочувственно вздохнули вместе с ней.

– В Бронксе есть алмазные копи? – поинтересовался Ули.

– В подвале «Никель-Базара», на Дель-Монте-стрит.

Она снова задумалась.

– Честно говоря, я удовольствовалась бы третьим местом здесь. Как Имоджен на консервном конкурсе. Двести долларов плюс неделя в Провиденсе, Род-Айленд, под ключ. Меня бы это устроило. Вы знаете Провиденс, сокровище?

Провиденс! Сокровище скрыло улыбку.

– Забудьте Провиденс, – сказал Ули. – Лучше вам погулять в Потакете, Вунсокете или в Наррагансете и Саконете, этих метрополитках, где можно купить каскетки, балетки, сандаlette, кровати и тартаlette для милой кокетки.

– У-у-у, ну вы и умора! С вами отсмеешься нескоро! Это заразно, – поразилаcь она, – вот и я рифмую.

Провиденс был первым этапом турне «Коммуниста в доме». Началом конца. Местная критика была пылкой, публика редкой.

Полным иронии контрапунктом грянули бурные аплодисменты. Оркестр заиграл *Let's Be Fooling in Atlantic City*⁴⁷.

На подиуме еще один младенец в кудряшках, сложенный как Вирджиния Майо, получал корону из позолоченного картона. Томми Дакота надел на девушку розовую ленту с надписью «Мисс Атлантик-Сити 1949». На грани обморока, с растрепавшейся прической, лауреатка должна была еще вынести повторное чтение списка подарков и добрых дарителей.

Салли было явно тошно, она корчила одну за другой гримасы, кричавшие о несправедливости, беззаконии и узурпации.

– Пойдем утешимся в казино? – предложил Ули.

– У меня только восемь долларов сорок три цента на обратный автобус, сокровище.

– У вас есть намного, намного больше, детка. Поженимся?

⁴⁷ Давайте дурачиться в Атлантик-Сити (англ.).

– Зачем?

– Тоже вариант, чтобы никогда не расставаться.

– Я уезжаю завтра в восемь сорок семь в Скенектэди.

– Увы, – посетовал он. – Ули Стайнера можно выносить только в Нью-Йорке. И все же осталась последняя возможность счастья: пойти восполнить недостаток жидкости.

С этими словами великий человек зашагал вперед по Бродуолку.

– Я не выношу спиртного, – предупредила Салли. – Меня от него рвет. А он?

– Никогда не видела, чтобы его рвало, – заверила Манхэттен.

– Я хочу сказать, – девушка понизила голос, – он много пьет?

– Будь он верблюдом, я бы ответила, что нет.

Непомерная очаровашка поправила бриллианты из Бронкса, кудряшки и тяжело вздохнула.

– Имоджен вечно мне талдычит: мужчины отпетые эгоисты и гнусные комедианты.

Этот вдвое против остальных, подумала Манхэттен.

– Но чем их заменить? – всхлипнул огромный младенец.

Манхэттен замедлила шаг. Уже на расстоянии она увидела, как Салли нагнала Ули большими пружинистыми шагами, продела руку под его локоть, и парочку вскоре поглотили увеселения бульвара.

Океан, напротив, казался чернильной стеной. На его чер-

ном горизонте готовился завтрашний день.

Манхэттен остановилась. Теперь ей хотелось есть. Она развернулась и поспешила к вафельной.

Рубен сменил табурет в витрине на столик в углу. Он курил и пил чай.

– Ты еще здесь?

– Было предчувствие, что ты снова зайдешь, – ответил он. – Поговорила с Ули?

Ее оторопь немало его позабавила.

– Я тоже ношу очки. И, как и ты, видел его в окно. Ты говорила с ним?

Она покачала головой.

– Я бы съела два-три блинчика.

– Составлю тебе компанию, – сказал он.

Она окинула взглядом его тощую фигуру.

– Кто бы мог подумать, что ты ешь пятнадцать раз на дню?

– У меня вежливый желудок.

Через пять минут они весело принялись за блинчики. Оба молчали. Как старые добрые приятели. Время от времени Манхэттен поднимала глаза на Рубена; ее захлестывала неожиданная нежность. Во всем этом бардаке, во всей сумятице если она еще не завоевала отца, то, оказывается, у нее был...

Рубен. Брат по близорукости. Брат по театру. Брат по иронии. Брат по этой самой сумятице. Брат по блинчикам в Атлантик-Сити.

Ее брат от одного отца.

Рубен, мой брат. Повторять это было невероятно сладко.

Между двумя глотками он прочел безмолвное смятение в ребусе ее лица.

– Что? – удивился он. – У меня сыр на носу?

Она, улыбаясь, покачала головой.

– Томат на щеке?

Она отложила приборы и погладила кулачком край его подбородка.

– Я думаю, что, за неимением настоящего папы... я нашла... Они переглянулись. Рубен аккуратно положил вилку слева от тарелки, нож справа.

– ...я нашел сестру, – договорил он.

И вернул ей тычок, легкий, как поцелуй.

10. Oh lady, be good!⁴⁸

– *О Осмонд, my darling*⁴⁹, – проворковала Пейдж в микрофон, придерживая двумя руками наушники. – *Почему я так влюблена в тебя?*

Отис Крейн, режиссер, запустил первые такты финальных титров, потом убавил звук, не заглушив последнюю реплику. Он сделал им знак продолжать-продолжать-продолжать...

– *Потому что каждый мужчина заслуживает женщину, милая. Заслуживает он того или нет,* – продолжил (как и было велено) Стерлинг Феррис, актер, игравший Осмонда.

Снова включилась музыка, нарастая крещендо до финальных тактов. Повисла тишина. Отис Крейн снял наушники, и девять актеров в студии Эн-би-си последовали его примеру.

– Ф-ф-фу. Записано. На сегодня все. Не забудь свое обручальное кольцо на консоли, Стерлинг.

Феррису пришлось снять кольцо, когда в пылу игры оно звякнуло – бим-бим – о микрофон и все засмеялись – и погубили сцену.

Все выдохнули. На запись четырех серий по двадцать восемь минут ушло чуть меньше шести часов. Пейдж была напряжена, голосовые связки на пределе, но ей было хорошо.

Ей досталась главная женская роль, неугомной Чарли,

⁴⁸ О леди, будь доброй! (англ.).

⁴⁹ Мой дорогой (англ.).

жены Осмонда. Диалоги были живые и забавные. Поначалу она сбивалась, путалась. Ей казалось странным спрашивать «Ты меня любишь, Осмонд?» или «Как прошел день, милый?» в микрофон. Но освоилась она очень быстро. Стерлинг Феррис – Осмонд – ей помог.

Этот актер был постоянным участником радиосериалов. Он обладал приятным тембром американского зятя, спортивного, непринужденного, идеального по всем пунктам, которого никак не предвещали его пухлощекое лицо в духе У. К. Филдса⁵⁰, обгрызенные ногти и обширная лысина.

Большинство актеров уже покинули студию. Пейдж по просьбе режиссера задержалась, чтобы заново прослушать несколько сегментов магнитной ленты.

– Переделаем четыре центральные минуты первой серии, – сказал ей Крейн. – Ты на тот момент еще не разогрелась.

Он дружески потер ей спину.

– Ты великолепно уловила роль, тон. У тебя есть юмор, шарм и голос приятный. Он красиво порхает на пару с голосом Стерлинга.

Он прыснул, пыхнув сигаретой.

– Я гроша ломаного не дам за их *Lili of My Best Years*⁵¹.

Это была программа-соперница на конкурирующем кана-

⁵⁰ У. К. Филдс (Уильям Клод Дьюкенфилд, William Claude Dukensfield, 1880–1946) – американский комик, актер, фокусник и писатель.

⁵¹ Лили в мои лучшие годы (*англ.*).

ле.

– Когда пойдет передача? – спросила Бесс, актриса, игравшая свекровь. Пейдж часто видела ее в театре на вторых ролях, но так и не запомнила фамилию.

– Как можно скорее. Сетка готова. – Отис Крейн поднял палец к потолку, указав на высшие сферы. – Есть приказ немедленно перерезать горло этой стерве Лили. Наш *Come on, Osmond!*⁵² должен сделать кассу. И делать ее долго.

– Как долго, по-твоему?

– Это, лапочка, решат слушатели.

Простившись со своими новыми спутниками, Пейдж вынырнула из студии среди небоскребов с улыбающимся сердцем. Вечерело, она шла с работы, как тысячи нью-йоркцев.

А вы слушаете радио, мистер Эддисон Де Витт?

Конечно, это не театр, не серьезная пьеса, не Артур Миллер или Теннесси Уильямс. *Come on, Osmond!* никогда не будет претендовать на Пулитцеровскую премию.

О, никаких сериалов, я полагаю? Тем лучше для меня. Тем хуже для вас, мистер Де Витт.

Пейдж просто влюбилась в этот первый опыт на радио. Ей нравилась ее героиня, лукавая и пикантная, в духе Хэпбёрн. Сериал в комедийном плане рассказывал о перипетиях супружеской жизни. Партнеры, все профессионалы, опытные зубры, были не чета ее однокашникам в Актерской студии. Всё, ей нравилось всё. И потом...

⁵² Давай, Осмонд! (англ.).

Вы заметили, как красиво порхает мой голос, мистер Де Витт?

...и потом, 72 доллара в неделю. Может быть, и больше, если сериал продержится несколько месяцев. Как знать?

Она шла по проспекту легкой походкой и могла бы поклясться, что ее цель – пансион «Джибуле» на Западной 78-й улице. Однако Пейдж свернула раньше, на перекрестке, который вряд ли вспомнила бы, если бы ее спросили.

Совершенно туда не собираясь, она вдруг оказалась у грифонов, гаргулий и латинских цитат на фасадах в духе старой Англии квартала Тюдор-Сити. Она не бывала здесь после того снегопада перед Рождеством.

Сегодня крошечный центральный сквер заполонили цветы: форзиции, араукарии, петунии, маргаритки, клевер. Щербача, бегали друг за другом дети. Греческая богиня со своего цоколя наблюдала за ними. Ее розовое гранитное тело было ярче, чем зимой, и, усеянное искрами слюды, блестело на весеннем солнце. Пейдж впервые заметила наклоненный кувшин у ее бедра. Струйка воды лилась из него в зеленую чашу. Зимой вода не текла.

Через несколько минут Пейдж позволила себе поднять голову к Холден-билдингу, дому Эддисона. Ей не надо было считать этажи, взгляд сразу зацепился за тринадцатый и последний.

Одно из больших окон было открыто. Он дома?

Еще совсем недавно – почти четыре месяца назад – она

каждый вечер околачивалась вокруг. Ждала часами, терзаемая ужасом и безумной жаждой встретить его.

От тех часов ей самым естественным образом вспомнился сто раз повторенный жест, словно закаменевший в ней: она прислонилась к статуе. Стояла и смотрела, как бегают и лопочут дети. Как благоухают цветы. Как безмолвно вопят гаргульи. Как бежит вода из кувшина богини.

И вдруг на площади появился Хольм.

Пейдж отпрянула – старый рефлекс былых страхов. Но Хольм был один, он нес сумку с провизией. С минуту поразмыслив, она решила.

Он смотрел, как она идет к нему, удивленный, но не показывающий этого.

– Мисс Пейдж... Здравствуйте. Как вы поживаете?

– Очень хорошо, Хольм. А вы?

– Прекрасно, мисс.

Он пошел дальше к соседнему проулку, где был вход для прислуги и доставки. Она последовала за ним. Хольм болтал без умолку, как будто боялся, что она станет его расспрашивать.

– Погода-то лучше, чем в тот раз, когда вы здесь были, не правда ли? Этот ужасный снегопад... Такой бури не было с довоенных времен, ни пройти ни проехать, казалось, небо в тот день свихнулось...

Он остановился у служебного входа. Она поняла, почему он медлит. Думает, что она хочет подняться. Ломает голову,

как от нее отделаться.

– Я спешу, у меня встреча, – соврала она, чтобы не смущать его. – Передайте привет мистеру Эддисону.

– Обязательно, мисс. Положитесь на меня.

Его бесконечно доброе лицо выражало облегчение.

– Как поживает мистер Эддисон? – все же тихо спросила она. После долгой паузы он наконец ответил:

– Сказать по правде, не знаю, мисс. Вы читали его последнюю хронику в «Бродвей Спот»? В сегодняшнем номере?

Пейдж покупала свежий номер каждую неделю. Но сегодня, закрутившись с сеансом записи, не успела. Она покачала головой.

– Боюсь, написав это, мистер Эддисон запустил какой-то процесс. Возможно, что-то серьезное. Телефон сегодня звонит не переставая. Он ушел в полдень, забыв перчатки. До сих пор не вернулся. – Хольм показал полную сумку. – Я даже не уверен, что он будет к ужину.

– Что происходит, Хольм? Что в этой статье?

Он достал ключ.

– Боюсь, я не сумею вам объяснить. Прочтите ее, мисс. Вы поймете лучше меня. До свидания, мисс. Я скажу мистеру Эддисону, что вы спрашивали о нем. Он... он очень хорошо к вам относится, мисс.

Он повернул ключ в замке, еще раз сказал «до свидания» и скрылся.

Пейдж купила «Бродвей Спот» в автомате на Таймс-сквер

и сунула его под мышку, не развернув. В «Джибуле» она застала только Черити и Истер Уитти. Девушек дома не было. Ванная была в ее полном распоряжении.

Пока наполнялась ванна, Пейдж спустилась в холл.

– Девять ноль сорок пять Гринвич, – попросила она, сняв трубку телефона. – Мистера Брандо, пожалуйста.

Пока ее соединяли, она сняла туфли.

– Алло? – произнес голос с ленцой.

– Алло, Бад. Это Пейдж.

Она представила, как он стоит, прислонившись к стене, опершись виском о кулак, большой палец за брючным ремнем, телефонная трубка на весу где-то между губами и шеей.

– Я не могу прийти в «Палладиум».

– Ты никогда не можешь прийти в «Палладиум», – безмятежно прошелестел он. – Засада. Там будет конкурс на самые красивые косы у школьниц, ты бы заняла первое место.

Освобождая первую ногу от чулка, она отпарировала:

– Пусть заменят его конкурсом на лучшее рваное трико, его выиграешь ты.

– Ты путаешь меня со Стэнли Ковальски⁵³, бэби.

– Извини, Бад. Я зубрю сцену к завтрашнему занятию. Работала весь день и...

Она слышала, как он здоровается с какими-то людьми, проходящими мимо.

⁵³ Стэнли Ковальски – имя персонажа пьесы Теннесси Уильямса, которого сыграл в театре Марлон Брандо. (Примеч. автора.)

– Тогда в среду? – сказал он наконец таким тоном, будто ему наплевать с высокой колокольни. – Будет конкурс девушек, которые вечно динамят парней. Тут у тебя тоже есть шансы. В среду?

Она поморщилась: чулок номер два порвался.

– Договорились.

Пейдж повесила трубку и галопом помчалась в ванную, прижимая экземпляр «Бродвей Спот» к груди.

Страница 8

БРОДВЕЙ СПОТ

Хроника дня и ночи

Мои нью-йоркские настроения

От Эддисона Де Витта

Вчера мне пришлось стойчески выдержать читку новой пьесы под названием «Два прибора для пятерых». Боже мой! Какая тяжкая повинность! Какая пытка!

Не то чтобы она была плоха. Симпатичные герои, живые реплики, терпимый рацион сюжетных поворотов... Откуда же взялось это кошмарное ощущение, что я пью безвкусную воду? Чего не хватало?

Не хватало... Ули Стайнера!

Стайнера, который изначально планировался на главную роль. И я мечтал – о, как! – на всем протяжении читки меч-

тал обо всем, что гений, дерзость, ум великого артиста придали бы этой воде для мытья посуды, если бы кое-кто имел мужество дать ему роль.

Увы, мужества у них нет. Увы, они боятся.

Неужели террор одерживает верх над культурой и цивилизацией? Неужели трусость свернет шею театральному искусству? Бродвей идет вслед за Голливудом и в свою очередь погряз в доносите́льстве!

Когда мы наслаждаемся «Ричардом III» или «Колпаком с бубенчиками», мне плевать, что его автор или исполнитель предпочитает русскую водку бурбону из Теннесси. Что он обжирается икрой, а не pulp fiction⁵⁴. Что он поддерживает республиканскую партию или лейбористов. Что ему больше нравится в Санкт-Петербурге, чем во Флориде. Frankly, my dear, I don't give a damn!⁵⁵

Неужели невежественные, ограниченные, трусливые и пустые умы навяжут Америке раскол, проделанный с Германией Иосифом Сталиным? Неужели на нью-йоркской земле будут Восточный Бродвей и Западный Бродвей? Остережемся же этих антагонистов, это лишь видимость. Эти противники на самом деле братья, их методы – сиамские близнецы.

Чего я хочу, дамы и господа, так это видеть и проживать Театр! Свободный Театр!

⁵⁴ Криминальное чтиво (англ.).

⁵⁵ «На это, дорогая, мне совершенно наплевать» (англ.) – знаменитая последняя реплика Ретта Батлера в «Унесенных ветром». (Примеч. автора.)

Э. Д. В.

11. You're not the kind of a boy (for a girl like me)⁵⁶

– Ставлю ужин с Кэри Грантом, что он придет сегодня вечером. Ради тебя, только ради тебя, как и каждый вечер. Он бывает в «Сторке», только чтобы увидеть тебя и поговорить с тобой. Не ври, что ты ничего не замечаешь.

Хэдли пригладила перья на шляпке, которую вручила ей клиентка, и убрала ее на полку. Вечер в клубе «Сторк» был в разгаре. Работы хватало. Хэдли пожалала плечами.

– Джей Джей видел меня сегодня утром, с какой стати ему возвращаться вечером?

Терри отдала одежду отужинавшим клиентам, которые уходили. Когда те отошли, она тихо усмехнулась:

– Джей Джей, да? Ты зовешь его по имени, вы виделись утром, и его присутствие здесь – случайность?

– Он акционер, заседает в административном совете. Естественно, что он бывает в «Сторке».

Терри насмешливо фыркнула, тотчас оглядевшись, не заметил ли кто этого оскорбления утонченности клуба. Она перешла на шепот:

– Он чаще заседает за столиком в голубой гостиной, чем в своем административном совете.

⁵⁶ Вы не тот парень (для такой девушки, как я) (англ.).

Хэдли безучастно раскладывала пары перчаток в пронумерованные ящички.

– Что хорошо весной, – заметила она, – одежда становится легче, проще с ней управляться.

Терри недоверчиво похлопала ресницами и едва успела заглушить новый неуместный звук.

– Не меняй тему. Лично я, если бы один из лучших нью-йоркских женихов запал на меня, немедленно послала бы к черту пальто, шляпы и перчатки и пошла бы за ним пешком хоть на Багамы.

Хэдли приветствовала «клубничную блондинку»⁵⁷ у стойки и обменяла ее розовую норку на номерок.

– Мой папашка пришел? – осведомилась «клубничная блондинка», подмигнув. – Мистер Хакенбаш, серые волосы, серые усы, серое брюшко?

Старлетка. Только старлетки демонстрируют в разгар весны подаренную «папашкой» норку.

– Ты во всем ошибаешься, – сказала Хэдли, когда она ушла. – Джей Джей мне благодарен, потому что я однажды ему помогла. Ничего больше.

Тэрри хотела было возразить, но прикусила язык: она заметила рядом яхтсменский блейзер их начальника.

Взгляд Саффолка Даунса остановился на Хэдли. Ему пришла благая мысль не улыбнуться; Терри уверяла, что он двойник Полуночного Круга, скаковой лошади, на которую

⁵⁷ «Клубничная блондинка» – комедийный фильм Рауля Уолша (1941).

любил ставить ее отец.

Он облокотился на стойку, отделявшую его от двух гардеробщиц.

– Может быть, вы иногда еще и поете? – спросил он Хэдли. – А то сегодня Перри Комо ужинает в гостиной «Гибискус».

С явной тоской вспоминая о том вечере, когда шимми, который Фред Астер разделил с Хэдли, имел большой успех, хозяин втайне лелеял мечту о *bis repetita*⁵⁸.

– Я пою хуже, чем Перри Комо танцует, – ответила она, проведя щеткой по меховой пелерине, прежде чем повесить ее на вешалку.

Саффолк Даунс закусил сигару своими длинными зубами, отчего на лице его появилось подобие невольной улыбки. Он протер медные пуговицы своего блейзера яхтсмена и отчалил в тот момент, когда портье пропускал нового клиента.

Терри тут же наступила Хэдли на ногу.

– Добрый вечер, – поздоровался Джей Джей.

– Добрый вечер, мистер Тайлер Тейлор, – любезно приветствовала его Терри.

Он был один.

– Добрый вечер, – повторил он, глядя Хэдли прямо в глаза.

Хэдли разозлилась, почувствовав себя глупо и фальшиво,

⁵⁸ Дважды повторенное (*лат.*). Отсылка к латинской поговорке *Bis repetita placent* – «Дважды повторенное нравится».

все из-за болтовни Терри. Она принялась складывать пустые ящички для перчаток.

– Добрый вечер, сэр, – ответила она, держа дистанцию.

Джей Джей как будто мялся в нерешительности, держа руки в карманах своего легкого пальто.

– Вашу шляпу, сэр? – весело пригласила его Терри.

Он молчал, и на лице его отражалась внутренняя борьба и сокровенные вопросы. Вдруг он решился и, перегнувшись через стойку, взял Хэдли за локоть.

– Выйдем, прошу вас. Мне надо с вами поговорить.

Ощущение дежавю – все это уже было! – подействовало на Хэдли как пощечина. О нет. Не в этот раз. Она не позволит ему, он больше не заставит ее покинуть свой пост, как тогда в «Платиниуме», и рисковать новым увольнением. Она вырвала руку.

Ошарашенный, почти сконфуженный, он посмотрел ей в лицо и обреченно вздохнул.

– Я прошу прощения. Я не хотел быть с вами грубым, не считайте меня хамом. Мне надо с вами поговорить... об Артемисии.

– Артемисии?

В искусстве сбивать ее с толку ему не было равных.

– Если мистер Тайлер Тейлор хочет поговорить с тобой, Хэдли, – вмешалась Терри сладким голоском, – я одна справлюсь с гардеробом. Тут пока спокойно.

– Когда я закончу работу, – отрезала Хэдли.

– Джей Джей Тайлер Тейлор! – воскликнул появившийся вдруг Саффолк Даунс. – Вы верны «Сторку», как я погляжу.

– Когда ты акционер, – сухо ответил Джей Джей, – разве так уж абсурдно заботиться о хорошем самочувствии своей доли?

– Разумеется, нет, – поспешно ответил Саффолк Даунс. – Хотите попробовать «Дом Периньон», мы получили его из Франции сегодня? – Он щелкнул пальцами Риперту, метрдотелю, который как раз вышел из золотой гостиной. – Марочного для мистера Тайлера Тейлора, на его обычный столик.

Джей Джей удержал его.

– Я не буду ужинать. Сегодня вечером я лишь хочу похитить эту девушку на несколько минут. Вы не возражаете?

Взгляд Саффолка Даунса скользнул с Хэдли на Джей Джея и обратно. Она была пунцовой. Легко представить, что происходило в голове у скакового жеребца.

Почему Джей Джей, этот милый и славный юноша, неизменно становился источником неприятностей для своего кормильца?

– Терри? Вы присмотрите за гардеробом? – просюсюкал Саффолк Даунс, приподняв планку. – Хорошего вечера, – добавил он, хлопнув Джей Джея по плечу, словно говоря: мужчины всегда друг друга поймут.

Хэдли спокойно надела плащ. Внутри у нее все кипело.

– Так они знакомы? – спросил «яхтсмен», когда Джей

Джей с Хэдли скрылись за занавесом, скрывавшим вертящуюся дверь.

– Я не знаю, сэр, – ответила Терри, воспользовавшись парой, предъявившей номерок, чтобы уйти от вопроса и не выдавать подругу.

Саффолк Даунс задумчиво пожевал сигару. Фред Астер, звезда Голливуда... Джей Джеймсон Тайлер Тейлор, наследник богатой семьи... Для простой гардеробщицы у Хэдли Джонсон очень изысканные знакомства! К тому же не слышал ли он на днях, как она говорит с коллегой об ужине с Кэри Грантом?

12. Pennies from heaven⁵⁹

– Извините, Хэдли. То, что я хочу вам сказать, очень... важно.

Скрестив на груди руки, она следовала за Джей Джейем без единого слова. Он ухитрился просунуть руку под ее локоть, не без труда, потому что она никак ему не помогла.

– Не бойтесь, на этот раз вы не потеряете работу. Ручаюсь. Вы мне доверяете?

Она по-прежнему надменно молчала, как перед закапризничавшим ребенком. Он довел ее до «Сода Фаунтейн» на 7-й авеню и усадил за столик.

– Что вам заказать?

– Я не хочу пить.

Он заказал два имбирных эля «Канада Драй».

– Я должен вам рассказать одну историю, длинную историю.

– Не слишком длинную, – попросила она, постукивая ладонью по краю стола и не сводя глаз с эмалевых часов на стене. – Забавную, если можно.

– Увы, в ней нет ничего забавного.

Он накрыл ладонью ее руку, чтобы она перестала стучать. И не убрал руку.

– Она начинается как сказка. Жили-были однажды краси-

⁵⁹ Пенни с небес (англ.).

вый юноша и красивая девушка, очень влюбленные друг друга.

И Джей Джей рассказал. Как жили-были красавец Нельсон и красавица Митци. Как они любили друг друга на заре века, как Нельсон хотел сделать ее своей женой на всю жизнь. Как он заставил ее ждать, ждать, ждать. Как ему не хватало духу. Как, в конечном счете, что должно было случиться, так и не случилось.

Джей Джей рассказал все, что прочел в дневниках дедули и что угадал между строк.

Как Нельсон и Митци перестали ждать и две жизни прошли в сожалениях.

Как Нельсон и Митци больше никогда не увиделись, печальные гордецы, лишенные друг друга и прожившие, каждый со своей стороны, неполноценную жизнь.

Как ему удалось собрать пазл, деталями которого были недописанные дневники, сломанные птички и другие ниточки. Как благодаря ей, Хэдли, он вышел на след Митци, которую на самом деле звали Артемисией, и почему он позвонил к ней в дверь этим утром, чтобы взбаламутить ее жизнь.

Как со всем этим была связана смерть дедули. Если Митци и Нельсону суждено однажды встретиться, то только в загробном мире и нигде больше.

Хэдли слушала, склонившись над своим стаканом (ей вдруг захотелось пить), и была так захвачена, что чуть не опрокинула его.

– Артемисия часто хвалится своей бурной молодостью, плохими парнями и безумными романами, – сказала она, когда Джей Джей умолк. – Она никогда не давала повода думать, что была несчастна.

– Можно развлекаться, будучи несчастным.

Они помолчали.

– Какая невыносимая история с этими птичками, – задумчиво сказала Хэдли.

Она задумчиво посасывала соломинку, но не пила. Нельсон и Артемисия жили в одном городе, но так никогда и не встретились.

Никогда. А что, если она и Арлан?.. Ей не хватало воздуха, когда в голову приходила эта невыносимая мысль. А приходила она все чаще.

Нет. Это совсем другое. Нельсон и Митци нарочно делали так, чтобы никогда не встретиться. *Они избегали друг друга.*

Хэдли же каждую секунду, каждый вздох своей жизни проводила, ловя лица, фигуры, волосы, осанку, пальто, смех, жест, голос... Она найдет Арлана. Обязательно. Только надеждой она и жила.

Ледяная мышь снова пробежала по ее позвоночнику. Пальцы судорожно сжали стакан. Она отогнала другую мысль, жестокую, нестерпимую, ту, что начинала исподволь пробиваться в ее мозг: может ли она однажды не узнать Арлана? Возможно ли это? Допустимо ли? Иногда ей казалось, что... да.

– Игорь! – окликнул мужчина у стойки. – Мне еще двойной. Покрепче. Чтобы меня доконал.

– Ты скоро не сможешь видеть клиентов, – вздохнул бармен, протирая губкой стойку.

– Кто тебе сказал, что я хочу их видеть?

Хэдли повернула к Джей Джею лицо, на котором застыла обида.

– Неужели надо было так срочно рассказать мне это именно сегодня? Вы не могли подождать?

– Я не могу больше ждать, Хэдли.

Она уронила соломинку в стакан. Рука, лежавшая на ее ладони, сжала ее крепче.

– Вы не догадываетесь, Хэдли... Правда не догадываетесь?

Она покачала головой, чтобы не дать ему продолжать. Он ощупал свое пальто, карманы, достал что-то и протянул ей.

– Я хотел купить розы. Цветочный магазин напротив «Сторка» оказался закрыт. Искать было некогда, я боялся утратить то небольшое, что осталось от моего мужества. И тут появилась эта старушка в своих невероятных юбках... Она продавала только фиалки.

Хэдли рассеянно взяла букетик. Как только она его коснулась, вернулось то же чувство. Та же мышь, раскаленная и ледяная одновременно, карабкалась по ее спине.

Она отшатнулась, не в силах удержаться.

– Хэдли!

Он поймал ее за талию. Она вдохнула запах фиалок. Зал качнулся еще два-три раза и замер.

– Все хорошо, – сказала она тихо. – Я просто не выпалась.

– Вы слишком много работаете.

Он не отпускал ее.

– Вы заслуживаете лучшего, чем эта безумная жизнь, эта гонка за тремя долларами. Хэдли... Есть возможность прекратить этот цирк. Я хочу...

– Подождите, – перебила она его, задыхаясь, как будто долго плавала под водой. – Подождите...

Он сжал ее крепче.

– Мне так нравится обнимать вас.

Он порылся в памяти в поисках фраз, которые готовил весь день. Ничего не вспоминалось. Он сказал:

– Время – враг. Не верьте ему, если оно подсказывает вам ждать, это уловка.

Она застыла, упираясь лбом в его подбородок.

– Это... максима Артемисии, – добавил он со смешком, который сам нашел жалким. – Еще Артемисия говорит, что нельзя упускать свой шанс. А мой шанс, Хэдли, мой шанс – это ты.

Она тихонько качала головой и не могла остановиться.

– Я люблю тебя.

– Почему? – спросила Хэдли, и это прозвучало тише выдоха.

Она высвободилась, закрыла лицо руками. Он внимательно-

но смотрел на пузырьки в «Канада Драй».

– Это из-за малыша? – спросил он после долгого молчания. – Потому что есть Огден?

Она подняла голову. Страдание прошло по ее юному лицу так жестко, что почти исказило его. Даже веснушки исчезли. Джей Джей снова обнял ее, как она ни сопротивлялась.

– Я не знаю твоей истории, милая Хэдли, – прошептал он куда-то в ее затылок. – Ты не обязана мне рассказывать. Не сейчас, не сразу. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Я буду любить вас, Огдена и тебя.

Он приподнял ей подбородок. Слезы под его пальцами были теплыми.

– Будь моей женой.

Он тотчас закрыл ей рот рукой.

– Не говори ничего, не отвечай. Это требует серьезного рассмотрения, это не шутки.

Он отпустил ее, достал из пачки сигарету.

– Поспешишь – людей насмешишь. Я могу ждать. Я буду ждать. Я жду.

Облачко дыма закачалось под потолком. Он с облегчением рассмеялся.

– Я жду с нетерпением. Не слишком долго все-таки, ладно? Если тянуть, тоже можно людей насмешить. Как дедуля.

Джей Джей загасил едва закуренную сигарету. Букетик фиалок поник, он слишком крепко его сжимал. Цветы, однако, еще хорошо пахли. Он пожалел, что не купил у старушки

всю корзину.

– Вообще-то я тот, кто сопровождает новобрачного в церковь.

– Игорь! – гаркнул мужчина у стойки. – Я все еще вижу клиентов. Уладь это дело, а?

У Хэдли вырвался короткий грустный смешок.

– Что скажет мистер Тайлер Тейлор – отец?

– Мне двадцать три года, стало быть, я совершеннолетний.

Он не добавил: «И я не Нельсон».

– Вы скажете ему, что мы виделись пять-шесть раз, не больше? Что я иногда *сигарет гёрл*, а иногда *хэтчек гёрл*?⁶⁰

– Для меня это не проблема, не будет проблемой и для него.

– Что моя профессия – танцовщица?

– Да, на танцовщице он, боюсь, чуть-чуть зависнет.

– Вот видите.

– Потому что он обожает танцевать! Он захочет знать, превосходны ли вы. Вы превосходная танцовщица, надеюсь?

– Вы скажете ему, что я из Уиллинга, три тысячи четыреста шестьдесят пять жителей, штат Иллинойс?

– А, вот это ему надо будет сообщить с осторожностью.

Он закоренелый нью-йоркец.

Он смеялся. Она нет. Она подбирала слова.

– Та женщина, такая красавица, что была с вами в вечер шимми... Элла Тарлингтон. Она, кажется, очень вас любит.

⁶⁰ Hatcheck girl – гардеробщица (англ.).

Он с жадностью всмотрелся в ее лицо в поисках знака досады, ревности... Но Хэдли, казалось, лишь не хотела никого обидеть.

– Надеюсь, – сказал он. – Мы знакомы с раннего детства. И очень любим друг друга.

Она потуже затянула пояс плаща, под которым была форма гардеробщицы.

– Мне пора идти.

– Элла моя сестра, – удержал он ее, смеясь. – Моя старшая сестра.

Он снова всмотрелся в нее, тщетно пытаясь отыскать следы облегчения, успокоенной ревности.

– Мне надо вернуться. Я слишком долго отсутствую.

Джей Джей заставил ее снова сесть.

– Терри одна, – настаивала она.

Он удержал ее на стуле.

– Я вернусь в «Сторк» в пятницу. В этот день, Хэдли, могу я надеяться получить ответ на мой вопрос?

– В пятницу у меня выходной.

– Ладно, в субботу.

В голове у него отложилось только одно. Она не сказала «нет». Она подняла руку и погладила ему лоб и волосы. Он едва почувствовал ее пальцы.

– Вы добрый, Джей Джей.

– Если это синоним влюбленного, то я отчаянно, безумно добр.

– Я взволнована, – тихо сказала она.

– А я успокоился...

– Взволнована, запуталась.

– Успокоился и верю.

Он добавил через несколько секунд:

– Успокоился, верю... и тревожусь.

И повернулся, чтобы поцеловать ее нежным, долгим поцелуем в губы. Раз, потом – не смог удержаться – еще раз.

– Почему я? – спросила она, отворачиваясь. – Я бесцветная, самая обыкновенная.

– Я буду целовать вас каждый раз, когда вы это скажете.

– Это правда, я бесцветная и сама...

Он привел угрозу в исполнение. Она не сопротивилась.

– Я пойду, – пробормотал он. – Пока еще помню, где я живу.

Он отодвинул стул, встретил взглядом строго нахмуренную бровь клиента с бородкой и в розовой бабочке, который внимательно наблюдал за ними над яблочным соком. Джей Джей вежливо приподнял шляпу.

– Мы жених и невеста, – извинился он.

И, наклонившись к уху Хэдли, прошептал:

– Почти.

13. I'm looking over a four leaf clove⁶¹

В эту ночь колокол Амброуз Чепел прозвонил половину третьего, когда Хэдли, вернувшись из «Сторка», взошла на крыльцо пансиона «Джибуле». Она разулась в холле и поднялась по лестнице босиком.

Как и каждый вечер после работы, она вошла в приоткрытую дверь комнаты Черити, не разбудив ее – Черити никогда не просыпалась, – и унесла закутанного в одеяло Огдена вместе с маленькой заводной обезьянкой с тарелками. Он не расставался с этой игрушкой, с тех пор как Джей Джей купил ее для него у бродячего торговца.

Луна отбрасывала льняные отсветы на волосики ребенка. Тот же цвет, что у Арлана. Хэдли поцеловала спящего сына, отнесла его к себе в комнату, бережно уложила в кровать.

Она разделась, надела ночную рубашку и быстро легла в темноте, прижимая к себе ребенка, обнимавшего обезьянку.

Усталая, она лежала неподвижно с широко открытыми глазами. В голове стучало. Между тем она чувствовала себя умиротворенной. Она тоже успокоилась. Она легко, совсем легко потерлась подбородком о мягкие кудряшки ребенка.

– Мы его найдем, – прошептала она в подушку. – Однажды папа будет здесь, с нами, обязательно. Обязательно! Ты его сын.

⁶¹ Я смотрю на четырехлистный клевер (англ.).

С усталым вздохом она закрыла глаза.

– А я его жена.

* * *

Моя дорогая, моя сногшибательная сестренка!

Как же я доволен – нет, счастлив, зная, что ты дома на две недели. Может быть, ты так стосковалась по маминым рагу и нормандскому торту, что будешь меньше любить четки? Я плохо себе представляю, как ты встаешь с рассветом, ты же иной раз даже жертвовала завтраком, чтобы поваляться в постели. Узнаю ли я тебя, когда вернусь, моя Розетта?

Джослин сделал паузу, чтобы надкусить печенье «Орео», и бросил остаток № 5, который съел его с быстротой молнии.

Когда Урсула, официальная хозяйка № 5, проводила вечера вне дома, песик устраивался на ночлег в студии Джослина в полуподвале. Время от времени, уткнувшись мордочкой в полукруглое окно, он наблюдал за ногами прохожих.

Авокадо. Мое последнее открытие! Ты, верно, представила себе адвоката, очкарика, зарывшегося в криминальные досье? Ошибка. Это что-то вроде зеленой груши, чертовски зеленой, с толстой кожурой, напоминающей линолеум в лавке Фродона на улице Этьен-Марсель. На вкус оно... крепкое

и мягкое. Прохладное и маслянистое. Самое удивительное – его большая косточка, твердая, как деревяшка. Наверно, это деревяшка и есть. Я пытался ее расколоть – невозможно. Она хранит свою тайну философского камня. Я привезу тебе авокадо, когда вернусь, говорят, они хорошо выдерживают дорогу.

Джослин вытер перо клинексом. Этого он никогда не решился бы проделать тоненькими батистовыми платочками Жанин Бруйяр, его матери. С помощью № 5 он доел второе печенье.

Я пишу тебе это, и мое сердце поет от радости и плачет от горя одновременно. Я буду счастлив увидеть вас всех, я так скучаю по маме, но мне больно представить момент, когда придется покинуть Нью-Йорк, пансион «Джибуле», белок в Центральном парке, моих американских друзей.

Ладно, до июля еще далеко...

Я останусь на их национальный праздник 4-го (говорят, это нечто) и буду в Париже к нашему.

Я храню ослепительное воспоминание о нашем первом 14 июля после войны, без родителей. Правда, было красиво? Ты помнишь? Ты все время танцевала с тем канадцем на балу на площади Аббатис, вокруг рвались петарды, а я топтался с той девушкой с шеей рептилии, которая отдала мне все пальцы. Мама наказала нам с Эдит не спускать с тебя

глаз... И я не спускал с тебя глаз!

Роземонда была так красива в тот вечер 14 июля 1947-го, через два года после освобождения. Им было по пятнадцать лет. Эдит, их старшей сестре, семнадцать. Джослин с Роземондой близнецы.

В том же духе, но куда шире, мы отпраздновали день Святого Патрика. Все ньюйоркцы в этот день становятся ирландцами. И все носят что-нибудь зеленое, это правило.

Так что 5-я авеню была зелена от народа. Девушки из «Джибуле» купили или соорудили себе новые шляпки, и даже миссис Мерл (канарейки и цветы шиповника в зеленом гнездышке)!

Да, американцы абсурдны. Способны мириться с самыми немислимыми чудачествами во имя свободы мнений и их пресловутой Первой поправки... но способны также преследовать вас и притеснять во имя... того же самого.

Ты представляешь себе, что галла за то, что он голосует за коммунистов, могли бы взять под надзор, на карандаш, написать на него донос? Да треть Франции была бы в тюрьме! Смешно, правда? Так вот, здесь в этом нет ничего смешного. Увольняют даже полных психов. И шпионят напропалую, на улице, на работе, в кафе, в кино... Поступая на работу, ты должен поклясться и подписать бумагу, что не состоял в компартии. И даже если у тебя никогда не было

членского билета, ты должен поклясться, что не участвовал в таком-то «непатриотическом» собрании десять или двадцать лет назад. Удивительна эта смесь безумной эйфории после пережитой ужасной войны и постоянного удушья, которое чувствуешь сейчас от тотальной слезки.

Прилагаю статью, которую я вырезал из «Бродвей Спот», за подписью некого Эддисона Де Витта.

Ничего общего (чисто посплетничать): этого самого Эддисона мы встретили в первый вечер, когда я побывал в театре. В тот вечер мы с девушками просочились без билетов – я тебе рассказывал, помнишь? С тех пор у Пейдж, нашей пансионерки, начинающей актрисы, в глазах поселилась бесконечная грусть. Я, конечно, не решаюсь ее расспросить, но чувствую, что этот Эддисон тут как-то замешан...

№ 5 вскочил на круглый столик и разлегся на Адели, плюшевом олененке.

– Аккуратней, № 5! – отчитал его Джослин. – Эта зверушка старше тебя.

О, постой-ка... Я забыл про Кролика! Напишу в следующий раз, обещаю. А сейчас я с ног валюсь. Работа лифтером в Хаксо населяет мои сны мертвыми петлями, лавинами, спусками в каноэ, полетами на монгольфьере... Это опасно, доктор?

Коль скоро ты сейчас с ними (счастливица), раздай всем

от меня поцелуй, особенно маме и маленькому Шарли.

А для тебя, моя Роземонда, я приберегу лучшие.

Твой любимый близнец.

Zip a dee-doo-dah!

*Shoo fly pie and apple pan dowdy*⁶²

Приехавшей в Саскуэханс-Фоллз жене Фридриха-Гюнте-ра Фройденкерлештурма Гуинивир Вихаукен-Хоукинс – для всех просто Джинджер – пришлось уложить в голове список элементов, незнакомых ей в ее городской жизни.

На ферме мечты не было водопровода.

Не было электричества.

Не было телефона.

Не было туалета в доме, только будочка у забора.

Зато на ней были в избытке...

Тучи пчел и/или ос днем.

Тучи летучих мышей ночью.

Гризли в окрестных лесах (Фред встретил одного и назвал его Геркулесом), а также пумы, дикие коты, бурундуки, хорьки, крысы, да чего там только не было...

Протечки всех видов.

Острая нужда в ремонте.

Несмотря на эти мелкие неприятности, Джинджер по-прежнему выглядела той, кем и была: невероятно влюбленной новобрачной.

Она написала несколько длинных писем матери, чтобы объяснить ей, в силу каких обстоятельств села не в тот поезд и в итоге поехала другим маршрутом, изменившим всю ее

⁶² Шарлотка и яблочный пирог (англ.).

жизнь. По крайней мере, она попыталась объяснить. Но попробуйте-ка описать любовь, любовь с первого взгляда, эти непостижимые материи!

Она проснулась напевая, как и каждое утро с их приезда. Фред уехал с рассветом на пикапе за этим самым прессом для яблок. Хоть бы не забыл ткань на занавески...

Он оставил полный кофейник на краю теплой плиты, подбросил дров в печь, положил восхитительный букет выюнок рядом с чистой чашкой и выложил сердечко из соломинок на грубой столешнице. Джинджер поцеловала выюнки и поставила их в каменную вазу. Соломенное сердечко она оставила на столе.

Распахнув настежь окна, она вдыхала сладкий воздух холмов. Была среда. Как и на каждый день недели, на среду приходилось строго определенное количество дел.

Когда они только въехали, Джинджер, оценив фронт работ, собралась с духом (и телом) и составила список. Понедельник – уборка в доме, подмести, вымыть окна и т. д. Вторник – стирка в горной речке, протекавшей в шестистах метрах. Среда – выпечка хлеба и заготовка съестного на неделю. Четверг – глажка плюс вытирание пыли и уборка. И так далее.

Все это, разумеется, вдобавок к текущим делам обычной фермы: приготовить и задать корм свинье, трем козам, шести курам и индюшке; убрать в хлеву и курятнике, принести воды из речки и дров, нарубленных Фредом, осмотреть яб-

лони и т. д., и т. д.

Этих «и т. д.» было очень много.

Придерживаться программы списка оказалось нелегко.

Например, когда капризничали дрожжи и тесто для хлеба, вместо того чтобы подниматься куполом, принимало вид гипсовой тарелки. Тогда приходилось все начинать с начала.

– Эти картофельные дрожжи, – жаловалась она Фреду, – никуда не годятся.

Она купила в городе (поездка в город равно три четверти часа тряски по ухабам в битком набитом пикапе и столько же обратно) целую кипу книг по кулинарии и домашнему хозяйству, читала их и перечитывала, делала выписки и загибала страницы.

Проглотив две чашки кофе со сливками, яйцо, ломтик окорока и три куска хлеба с мармеладом (потолстеть здесь ей не грозило, у калорий было слишком много работы), Джинджер, как и каждое утро, показала язык гадким стенным часам – даже не красивым, – которые Фред привез от своих родителей. Он ими дорожил, это были часы его бабушки Хильдегард. Джинджер виделись глаза, совиные глаза, которые следили за ними. Не у бабушки. У часов. Пора было повязать передник.

Она подмела кухню, сменила постельное белье, вымыла окна. Потом, в сопровождении Белоснежки, вилившей хвостом, вышла задать корм птице, укрепила столбик ограды, который ночью подгрыз сурок (да, здесь водились и сурки. А

еще скунсы, ласки, куницы, полевые мыши и прочая, и прочая...), и переделала кучу дел в огороде, в сарае, на речке, в кухне. При этом у нее было полно времени, чтобы распевать во все горло все хиты Дорис Дей.

Белоснежку они взяли через две недели по приезде. Никто из окрестных фермеров не хотел брать эту сучку, потому что она была черная; Фред назвал ее Белоснежкой из чистой провокации.

Юная Белоснежка резво бежала по пятам, и Джинджер, распевая мелодии Джун Кристи и размахивая руками, чтобы отогнать насекомых, отправилась к речке за водой, а то, не дай бог, закончится к обеду. На берегу она несколько раз огляделась, как и всегда. Ей не хотелось встретиться нос к носу с медведем Геркулесом. Но никто не по казался. Возвращаясь, она все еще пела.

Ей вздумалось испечь анисовые бисквиты. Фред ездил вчера за провизией и привез ей пакетики с кардамоном, анисом и цукаты из лепестков дягиля.

Джинджер взялась за дело вскоре после полудня. Первые бисквиты в ее жизни! В Спринг-Рокс, ее родном городке в получасе езды от Чикаго, если хотелось пирожное или бриошь, всегда можно было купить их в кондитерской миссис и мистера Чборксинов, венцев, привезших в этот уголок Иллинойса свое искусство штруделя, миндального бисквита с тмином и макового пирога.

Джинджер вздохнула, доставая из стенного шкафа боль-

шую салатницу. Однажды, может быть, когда она вырастет большая, научится печь и маковый пирог... Когда она поедет навестить семью, непременно зайдет к мистери Чборксину и попросит рецепт.

Она разложила ингредиенты вокруг салатницы. Потом налила, насыпала, перемешала, замесила, разделила, взбила, посахарила, помаслила, приправила, всё смешала, долго месила, раскатала, растянула, посыпала мукой, разрежала, вылепила, смазала, украсила... Все это – часто заглядывая во «Все мои секреты, 150 рецептов пирожных», книгу, со знанием дела написанную француженкой, мадам Пенелопой Жавер.

Под конец, высунув кончик розового языка, с чувством, будто сразилась со стаей китов, Джинджер разложила на смазанном маслом противне семьдесят три бисквита, которые осталось только подрумянить в духовке. Она бросила Белоснежке последний кусочек теста и посадила противень в печь.

Когда она развернулась, ее глаза округлились от ужаса.

Под навесом садовой двери жужжала и шелестела, как сушняк в лесном пожаре, огромная коричнево-желтая масса. Осы!

Или пчелы? Какая разница. Сердце Джинджер остановилось. Белоснежка прыгала и лаяла, подняв мордочку к рою.

Джинджер заставила себя не поддаваться панике. Потянув собаку за ошейник, она побежала закрывать дверь. Тут она

вспомнила об окне над раковиной. Оно осталось открытым. Джинджер быстро пересекла кухню. У рабочего стола она замерла, оцепенев от страха.

В салатнице, которую она не успела вымыть, теснился другой рой! Или тот же самый... атаковавший по всем фронтам.

Они гудели от удовольствия на остатках сладкого теста, темная и омерзительная смесь трепещущих крылышек и коричнево-желтых телец.

Несколько долгих секунд Джинджер молча таращилась на насекомых, не зная, что делать. Заорать. Исторгнуть завтрак. Убежать. Вдруг она заметила два ведра воды, принесенные с речки. Не раздумывая, подняла одно и выплеснула его содержимое на жужжащую мерзость.

Она плохо прицелилась или недостаточно сильно плеснула. Поло вина воды разлилась по полу. В результате выжившие насекомые – а их было много – перешли к *тотальной войне*. Эскадрон взмыл в воздух, готовый спикировать на врага. Джинджер в ужасе надсадно закричала.

Закрывая лицо передником, она схватила Белоснежку и побежала в комнату. Заперлась, забаррикадировала окно, выходящее назад, на поляну. Задвигая засов, она услышала рядом лай Белоснежки. И тут Джинджер увидела большую черную фигуру, которая медленно, спокойно двигалась в высокой траве на поляне. Красная пасть раскрылась в устрашающем зевке... Геркулес! Медведь гризли. Он шел вразвалку

в нескольких метрах от дома.

Со стоном чистого ужаса и отчаяния Джинджер закрыла изнутри ставни, заперла их, придвинула к двери кресло. Наконец она забралась под кровать и, прижавшись к Белоснежке, застыла без движения, без звука.

Так она пролежала до вечера, а гадкие часы в столовой безжалостно били каждый час. Все это долгое время она слышала, как Геркулес бродит вокруг, от окна к окну, от двери к двери, скребет когтями по стеклам, рычит и пыхтит у стен дома, так близко, как если бы сидел на соседнем кресле в кино. Она с горечью ощутила запах гари от бисквитов, которые давным-давно испеклись. День клонился к вечеру. Стемнело. Вся дрожа, она в конце концов уснула.

Разбудил ее лязг. Она открыла глаза, увидела над собой сетку кровати, свернувшуюся рядом Белоснежку, согревающую ее своим славным теплом. Верная Белоснежка.

Лязгнуло еще раз. Она привстала на локте, снова на грани паники. Возможно ли, что страшный Геркулес сумел открыть какую-то дверь? Она прислушалась, но все звуки заглушало сердце, так сильно оно колотилось.

У медведя нет ключей. Медведь не кашляет. Медведь не зажигает свет. И главное – он не зовет вас по имени.

– Фред! – закричала Джинджер так, что собака вздрогнула. – Фред!

Растрепанная, она выбралась из-под кровати, отодвинула кресло, открыла дверь. От хлынувшего в комнату едкого ды-

ма у нее перехватило дыхание.

– Джинджер! – воскликнул Фред. – Боже, ты меня напугала! Дом погружен в темноту... Этот дым...

Он смотрел, ничего не понимая, на опрокинутые ведра, лужи на полу, трупки насекомых, на искаженное лицо любимой и ее грязное, помятое платье. Он понял еще меньше, когда она бросилась ему на шею и прорыдала какую-то невнятную историю про бисквиты с анисом, ос, гризли.

14. The gentleman is a dope⁶³

Миссис Мерл попросила ее сходить быстро-быстро, узнать новости об этой окаянной доставке, ведь, боже мой, боже мой, по телефону ни до кого не дозвониться.

– Купите заодно хлеба, раз уж вы идете, – добавила она, нервно поглаживая рыжую пену своего шиньона.

Магазин располагался в конце Лексингтон-авеню. Дело движется своим чередом, заверил продавец. Да, все сейчас хотят телевизор. Да, они торопятся, торопятся. Да, установка включена. Да, они очень хотят, чтобы шоу Эда Салливана вошло в каждый нью-йоркский дом, и в этом им помогают опытные техники. И коль скоро произошла задержка (о, не нарочно, поверьте!), а эта миссис Мерл отправила к ним такую очаровательную посланницу, «Лекс Электрикс Стор» счастлив предложить компенсацию: вязанную крючком салфеточку с названием магазина, которую можно будет постелить на будущий телевизор, поставить сверху вазу с фруктами, все так делают, это очень красиво.

И Черити пошла домой с салфеточкой в кармане. Она вышла из метро на 59-й улице и решила пройти пешком через Центральный парк.

Она шла бодрым шагом, пока с соседней аллеи до нее не донеслись звуки оркестра. Черити свернула, чтобы подойти

⁶³ Джентльмен – это наркотик (*англ.*).

поближе.

Оркестр состоял из пяти девушек, наяривавших горячую версию *Temptation*⁶⁴. Алыми буквами было написано название:

SILLY SALLY AND HER SWINGIN'
SYNCOATORS

Когда песня кончилась, Черити заплодировала вместе с остальной публикой. Но когда Тромбон стала обходить публику с желтой лейкой, решила пойти своей дорогой.

– У меня только деньги на хлеб, – извинилась она.

Мисс Тромбон криво улыбнулась.

– По крайней мере, у тебя есть хлеб!

Подмигнув, она перешла к следующему зеваче. Маленькая собачка подбежала и запрыгала у ног Черити. Сердце ее опрокинулось, как кувшин, и тепло разлилось по всему телу. Она узнала собачку.

– Привет, Черити, – сказал Гэвин Эшли, сдвинув шляпу на свои медные кудри. – Привет, моя красавица.

Мисс Тарелки протиснулась между ними, сжимая в руках свои инструменты, к оркестру, начавшему новую мелодию. Ее цепкий глаз сразу оценил молодого человека...

– Не упusti его, козочка, – шепнула она на ходу.

Черити и Гэвин смотрели друг на друга, пока кларнет

⁶⁴ Искушение (англ.).

Силли Салли играл вступительные такты *Strawberry Blonde*⁶⁵. Черити хотелось убежать со всех ног.

– Привет, Гэвин, – сказала она наконец. Пальцы ее вцепились в салфеточку в кармане. Она комкала ее, теребила. Только это в ней и двигалось, хотя снаружи ничего было не заметно. – Привет, Топпер, – поздоровалась она с радостно прыгающей вокруг нее собачкой.

Что ему сказать? Она была неспособна, даже на словах, заново пере жить, не расплакавшись, свое ожидание наверху Эмпайр-стейт. Пытку этими часами под холодным дождем, когда замерзли кости, заledenело сердце... Гэвин просунул руку под ее локоть, свистнул Топперу, и все трое пошли по аллее в обратную сторону.

По мере того как они приближались к выходу из парка, с каждым шагом ей чудилась обратная перемотка. Разматывался клубок ее жизни... или бобина фильма. Она шла, и к ней возвращался покой. Фильм она знала. «Любовный роман». Она видела его много раз и каждый раз плакала.

У ограды парка Черити уже знала, что скажет. Она мягко высвободила руку, выпрямилась.

– Простите за тот раз... Вы, наверно, сердитесь на меня, что я не пришла на наше свидание на Эмпайр-стейт-билдинг.

Пальцы Гэвина сжали ее локоть. Стало немножко больно, ей бы хотелось, чтобы боль была сильнее.

⁶⁵ Клубничная блондинка (англ.).

– Вы долго ждали? – спросила она.

Он молчал. Наверно, спрашивал себя, не ломает ли она комедию, и это наполнило ее жестокой гордостью. Она чувствовала себя героиней мелодрамы. Она была Ирен Данн в «Любовном романе». Да, она ломала комедию, но он не был в этом до конца уверен. Впервые она чувствовала себя перед ним сильной и твердой.

– Долго? – настаивала она, тараща свои чистые семнадцатилетние глаза.

– Достаточно, – ответил он после паузы и отпустил ее.

Топпер сидел и смотрел на Черити. Она потрепала его по мордочке. Он-то наверняка все понял. Даже если он догадался, что она играет последнюю сцену из «Любовного романа», собака ничего не скажет... Боже милостивый, куда ее занесло!

– В тот вечер шел дождь, – сказала она, опустив глаза. – Кажется, шел.

– Действительно, шел дождь, – согласился Гэвин, но его тону недоставало спонтанности. Он явно забыл. А может быть, и никогда не знал.

О на-то помнила все каждой своей клеточкой. Могильный холод, бесконечный холод, охвативший ее на 89-м этаже небоскреба и отпустивший лишь поздно ночью, когда она лежала в постели, стуча зубами.

– И было, кажется, холодно, – продолжала она совсем тихо, но непреклонно.

– О... Да, бр-р, очень холодно. Мои ноги превратились в ледышки. Но я боялся за тебя. Тебе что-то помешало? Ты встретила кого не надо?

Кого не надо... Да, она встретила.

– ...попала в аварию?

Она бросила на него быстрый взгляд. Неужели он все-таки видел фильм? Нет... он упомянул аварию наобум.

– Или другой возлюбленный? Я не сержусь на тебя, Черити. У тебя должна была быть очень веская причина. Иначе быть не может, правда?

– Иначе быть не может, – мягко подтвердила она.

От грусти, от жалости она едва не улыбнулась. Он и вправду убежден, что она не пришла на свидание, и ломает голову, по какому праву имели наглость его продинамить, в то время как продинамил он сам.

– Я хотела тебя предупредить. У меня не было твоего телефона.

– Гадкая, – прошелестел он ей в самые губы. – Зачем ты заставила меня томиться там, наверху? А я ведь даже принес тебе цветы. Желтые розы.

– Правда? – воскликнула она, почти веря ему, и вдруг разволновалась, представив его с букетом, если... *если он и правда пришел.* – Я так люблю розы. Особенно желтые.

– Идем.

Он повел ее к притаившемуся в аллее цветочному киоску с зелеными перекладами и купил ей букет из пяти ма-

леньких роз. Они были коралловые, не желтые.

– А теперь скажи мне все.

– Что же?

– У тебя есть другой возлюбленный. Признайся. Это из-за него ты забыла меня в тот вечер.

– У меня нет никаких возлюбленных.

Он всмотрелся в нее. Она не лгала.

– Ты знаешь фильм «Любовный роман»?

– Я не люблю кино, – сказал Гэвин. – Только если с тобой! – поспешно поправился он, просияв улыбкой до своих красивых ушей.

– С Шарлем Буайе и Ирен Данн. Они встретились в круизе. Влюбились. Это правда? Ты не помнишь этот фильм?

– Это все байки. Терпеть не могу байки.

Черити молчала, уткнувшись в букет.

– Ты хочешь сказать, ложь? – спросила она, вдыхая запах роз.

– Да, вот именно. Вранье. Байки. Я уж лучше почитаю газету, по крайней мере там пишут правду.

Подкрепляя слова делом, он вытащил последний номер «Нью-Йорк Таймс» из автомата, не опустив в щель монетку. И помахал первой полосой.

– Вот видишь? Китай становится коммунистическим. Европа становится коммунистической. Даже Голливуд! Русские пытаются захватить Америку.

– Ты думаешь? – спросила она слабым голосом. – Они так

опасны? Говорят, что они забирают у богатых, чтобы отдавать бедным...

Его смех показался ей пощечиной.

– Ха! Это они тебе заливают. Джо Сталин в роли Робин Гуда! Фарс, моя дорогая. Прикидывается отцом народов, чтобы пудрить всем мозги. В точности как твой сосед, ну, тот, о котором ты говорила, парень со странным акцентом и странным именем. Этот Муссолидес или как его там, что живет один с дочерью...

– Мистер Беззеридес, – поправила она и снова чего-то испугалась, как тогда, на Кони-Айленде, когда речь зашла об отце Дидо.

Она не знала, почему им с Гэвином снова надо говорить обо всем этом. Он бросил газету на скамейку. Она нашла в сумочке монетку и бросила ее в автомат, чтобы заплатить за газету. Гэвин как будто ничего не заметил, он продолжал, уставившись на свои ноги:

– Тебе никогда не приходило в голову, что такие люди, как твой сосед, делают вид, будто становятся американцами, чтобы впаривать свою грязную пропаганду, свои грязные идеи?

– Нет, – ответила она, ошеломленная его язвительностью. – Мистер Беззеридес вежливый и добрый. Он не говорит ни о политике, ни о... Мой дедушка... (Она поколебалась.) Он тоже приехал из Европы... Давно, – тотчас уточнила она, словно желая отодвинуть подальше дедушку, которого обожала. И тут же разозлилась на себя за это.

– Откуда? – поинтересовался он.

– Из... из Андалусии, – ответила она, дрожа. – Это в Испании. Он зовет меня Карита. Это мое настоящее имя, – добавила Черити с робким вызовом.

Взгляд Гэвина Эшли смягчился.

– Карита, – повторил он. – Мне нравится... Слушай, меня навел на мысль твой фильм про круиз. Ты свободна прямо сейчас?

– Ну...

Приближалось время ее перерыва. Миссис Мерл давала ей тридцать минут, чтобы пообедать в городе, если есть желание, но Черити, как правило, оставалась в «Джибуле». Иногда она ложилась вздремнуть. По утрам она вставала так рано.

– Только ненадолго, – выдохнула она.

Они вышли из парка и спустились в метро.

– Куда мы едем? Я должна вернуться в...

Он прервал ее поцелуем, таким быстрым, что ей показалось, его и не было. Они вышли на юго-западе Манхэттена, на берегу Гудзона, там, где причаливали большие корабли.

– У меня нет времени, – запротестовала Черити.

– Тс-с, тс-с. Мы просто посмотрим десять минут.

Они вошли в зону Нью-Йоркского порта, поднялись на пирсы среди моря возбужденных людей и оглушительных машин. Черити перестала дышать. Она здесь никогда не бывала.

Они вышли на пирс 90, под корму лайнера, столь же монументального, как небоскреб, который ньюйоркцы прозвали «утюгом».

Рожок взревел как зверь, все вздрогнули, а Черити заткнула уши. Земля под ногами, голова, живот вибрировали, как соборный колокол.

– «Куин Мэри»! – прокричал Гэвин сквозь шум. – Он прибыл из Европы! Сейчас будут сходить пассажиры.

У него были глаза мальчишки в Рождество. Вот-вот запрыгает и захлопает в ладоши. Он отвел ее за руку в уголок потише. Они заняли место на платформе подъемника, откуда могли смотреть, как сходят на берег пассажиры.

– Я обожаю бывать здесь, – сказал он. – Прихожу, как только могу.

Он обнял ее, возбужденный гвалтом, прижался к ней щекой. Носильщики бегали десятками, катя перед собой тележки, на которых громоздились кожаные шляпные коробки, роскошные чемоданы, опечатанные ящики, запертые сундуки с сокровищами – там были смокинги, золотые туфельки, сигары, вечерние платья, – и на их боках можно было прочесть целый мир, экзотические эмблемы, яркие расцветки: *Нассау, Багамы, отель «Эксцельсиор» – Рим, «Кунард-Уайт Стар Лайн», «Ритц» – Париж, «Шанхай-экспресс», «Пера Палас» – Стамбул, «Ориент-экспресс»...*

Пассажиры трансатлантического лайнера теснились на трех этажах палуб, махая платочками и шарфами толпе, то-

мившейся внизу, на набережной.

– Это так... прекрасно! – ахнула Черити, и ее вдруг захлестнуло почти грустное счастье. Она сдерживала слезы, вцепившись в свой букетик роз, в обнимавшую ее руку.

Спустили трап. По нему потек бесконечный поток пассажиров. Бизнесмены с сигарами в зубах, в блейзерах с золотыми пуговицами, солдаты и офицеры в форме, семьи с детьми в матросских штанишках и накрахмаленными нянями, одинокие женщины в красных шляпках и перчатках, парочки, закончившие свадебное путешествие...

Они долго стояли так – гораздо больше десяти минут, – и, когда Гэвин выпрямился, давая знак возвращаться, морское чудовище все еще не опорожнило свое нутро.

Гэвин купил фруктов у бродячего торговца, они шли по пирсу против движения менее плотной толпы и грызли яблоки. Статуя Свободы помахала им со стороны Бэттери-парка. Топпер играл с двумя большими серыми псами.

– Знаешь... Я должен тебе кое-что сказать.

Он остановился.

– На самом деле я не был на Эмпайр-стейт. В тот день я ездил в Принстон по работе. Пришлось. Мой босс рвал и метал из-за коллеги, который потерял чемодан с образцами. Я должен был его заменить. Ты простишь меня?

Она уже его простила. Пусть даже после этого признания история уже совсем не походила на финал «Любовного романа». Черити бросила огрызок яблока в воды залива через

парапет и покачала головой.

– Значит, мы на равных.

Он привлек ее к себе, сцепил руки за ее спиной, она откинулась назад.

– Вот так. На равных.

Он заставил ее посмотреть ему в глаза, легонько куснул за подбородок.

– Хотя ты, негодяйка, так и не сказала мне, почему ты не пришла.

Черити отвернулась, похлопала глазами, глядя на статую Свободы.

– То же, что и у тебя, – тихо сказала она. – Работа.

15. Street of dreams⁶⁶

В группу Пейдж в Актерской студии пришел новый студент. Разумеется, он стал предметом всеобщего любопытства. Звали его Хуан Лебброса, он был из Бруклина. Худой, темноглазый и темноволосый, под длинными густыми ресницами его ласковые глаза казались бархатными над красивым, но покореженным носом боксера или плохого парня.

Лестер Лэнг дал ему прочесть сцену из «Идеального мужа» Оскара Уайльда. Новенький глотал слова, чувствуя себя неловко в этом совершенном английском. Пейдж удивилась выбору Лестера. Но тот слушал молча, сделал несколько замечаний и перешел к следующему студенту.

Когда настала очередь Пейдж, ее бил мандраж. Лестер мог быть таким ледяным, таким язвительным. Подняв глаза по ходу монолога, она увидела, что преподаватель смотрит в сторону. Он не слушал ее. Растерявшись, она закончила свою тираду и стала ждать.

Несколько секунд Лестер молчал.

– Хорошо, Пейдж, – сказал он наконец. – В следующий раз следите за дыханием. Бобби, Фрэнки, вы, надеюсь, что-то приготовили...

И все? Пейдж ущипнула себя. Обычно он размазывал ее по стенке. Даже после спектакля в «Гран Театро» в Гаване.

⁶⁶ Улица снов (англ.).

Даже, да-да, после волнующего танца дуэтом в бассейне отеля. Маэстро казался чем-то озабоченным.

Не потому ли, что он пригласил ее на премьеру «Саут Пасифик»? Или прислал орхидеи? Она ни словом не обмолвилась об этом приглашении своим однокашникам. О такой привилегии лучше было умолчать.

– Что-то он витает в облаках, наш Лестер! – вздохнула Фрэнки, когда они выходили часом позже.

– Думаю, я знаю почему, – хихикнул Рон.

– Колись! – выпалил Уэйн, который сегодня не читал и был этому очень рад. – Сообщи нам последние новости.

Одернув свой неизменный жаккардовый свитер (в хлопковой версии, была весна), Рон убедился, что преподаватель не вышел из аудитории.

– Он не сводил глаз с новенького. С этого Хуана.

Пейдж знала, что Рон и кое-кто еще задавались вопросами о любовных предпочтениях их молодого преподавателя.

– На Кубе ты уже об этом упоминал, – сухо сказала она. – У тебя есть причины так думать?

– Ничего определенного, – ответил Рон, смущенный ее ледяным тоном. – Я просто заметил, что во время занятий он пожирал его глазами.

Они замолчали, потому что из аудитории, засунув руки в карманы, вышел Хуан Лебброса. Он улыбнулся им. Уголок переднего зуба у него был отбит. Это придавало его улыбке что-то трогательное и дерзкое одновременно.

– Привет! – поздоровался он. – Идеальный муж – это не совсем я, а?

Он прыснул, погладив кончиком пальца свой перебитый нос. Пейдж отметила, что он грызет ногти. Уэйн дружески хлопнул его по плечу.

– В следующий раз покажи нам Гекльберри Финна, – предложил он.

– А кто это? Ох, – смутился он, поняв, что речь идет о знаменитости. – Я мало читаю. Меня записала сюда сестра вольным слушателем. Она говорит, что это поможет мне поставить артикуляцию.

– Ну уж, в Актерской студии ты не исцелишься! – насмешливо бросила Фрэнки. – После Брандо все знают, что здесь cedят реплики сквозь зубы.

– Да ну?

Повисла пауза. Хуан Лебброса покачал головой, снова засунул руки в карманы.

– Пока! – попрощался он.

Все смотрели ему вслед.

– Пейдж Гиббс, – позвал голос Лестера сзади. – Можно вас на пару слов?

Остальные поспешили уйти. Она перехватила лукавый взгляд Бобби, сочувственную гримаску Фрэнки.

– Я иду в секретариат, – сказал Лестер, когда они остались одни. – Поговорим по дороге.

Они пошли по коридору, увешанному афишами и фото-

графиями спектаклей, где часто повторялось имя великой Кэтрин Демилль.

– Вы придете на «Саут Пасифик», не правда ли? – спросил он как нечто само собой разумеющееся.

– С удовольствием! – горячо подтвердила она. – Я так рада, так польщена, что...

– Я тоже рад, – ответил он, отмахнувшись. – У меня, кстати, симпатичная новость для вас...

Он остановился. Лицо его было расслаблено, глаза спокойны.

– С нами связался Рэймонд Мэсси. Этой осенью он ставит «Отца» Стринберга в «Корте». Он ищет молодую актрису. Ему нужны были имена, я позволил себе предложить ваше.

Ошеломленная Пейдж потеряла дар речи.

– О, спасибо! – пролепетала она, четыре раза сглотнув. – Я... Я не знаю эту пьесу, «Отец», но...

– Прочтите ее. Текст великолепен. Я одолжу вам мой экземпляр, если нужно. До завтра, Пейдж.

Она остановилась, а он пошел дальше своими большими шагами.

– До... до свидания, Лестер.

В се-таки она была немного разочарована немногословностью беседы и ее резким окончанием.

Но тут же ее захлестнула волна отчаянной радости. Есть роль, и он подумал о ней! Лестер Лэнг назвал ее имя Рэймонду Мэсси! Она видела этого великого английского актера

в кино, в «Мышьяке и старинных кружевах», в «Узнике Зенды» и, конечно, в дивном и волнующем «Источнике» с Гэри Купером...

Вдруг всплыло еще одно воспоминание. Она и сейчас вся задрожала от стыда. Хоть это было целую вечность назад – на самом деле прошлой зимой. В то время, когда Эддисону еще доставляло удовольствие ее общество. Они пили шампанское в «Шато-Андре», французском кафе на Коламбус-Серкл. Она поделилась с ним, что ее имя, Пейдж Гиббс, на ее вкус плохо звучит. Он в шутку предложил удлинить его до Ибсен. Гиббс, Ибсен.

И что она ему ответила с недовольной гримаской? Ее и сейчас бросило в краску. И смех Эддисона до сих пор стоял у нее в ушах, звонкий, насмешливый, как живой.

– *Ибсен?* – повторила она. – *Это совсем не театрально. Звучит как первооткрыватель Северного полюса, на мой взгляд. Или лабораторная пробирка безумного ученого.*

Она изменилась. Сегодня она уже не спутает Ибсена с бунзеновской горелкой химиков, или Стриндберга с летчиком, совершившим перелет через Атлантику, или Корнеля с корнишоном. В Актерской студии работали со многими драматургами, будь они финскими, шведскими, французскими или греческими.

Господи, если вдруг Рэймонд Мэсси ее выберет... Играть в знаменитом театре «Корт»! Эддисон будет... О боже милостивый, он будет...

На первый взгляд это походило на квартиру. Женщина в розовом платье и с красными волосами, с сигаретой в зубах, записывала проходящих и собирала по полдоллара. Она смерила взглядом Манхэттен, которая пришла в первый раз.

– В конце коридора. По желтым стрелкам, – процедила она из-за клуба серого дыма. – Гардероб напротив. Я вижу, у вас с собой полотенце, если будете потом принимать душ, десять центов. Мыло оплачивается дополнительно.

Манхэттен заплатила и пошла по желтым стрелкам. Под одеждой на ней было трико, так что готова она была быстро.

За дверью ее ждал приятный сюрприз. В танцевальном зале было чем дышать, потолок высокий, светильники под ним множились в больших зеркалах. Дюжина учениц, которые были там, уже разогрелись. Из громкоговорителя лился на полную громкость ритм Коула Портера на степ Фреда Астера: *Steppin' Out With My Baby...*⁶⁷

Преподаватель, худой и лысый, указал ей место коротким движением головы.

Дальнейшее было для Манхэттен каким-то мучительным чудом. Девушка вернулась в объятия танца впервые за целую вечность. Она была поражена, до какой степени стала угло-

⁶⁷ Гуляю со своей малышкой (англ.).

ватой, неуклюжей и неповоротливой.

Собственные руки и ноги напоминали ей тяжелые заржавевшие двери заброшенных домов, которые отчаянно визжат, если их толкнуть.

Steppin' out with my baby
Can't go wrong, cause I'm right...
The big day may be tonight!⁶⁸

Однако один за другим ее мускулы разработались. Она растягивала сухожилия и суставы, как старые засохшие резинки. Схватка эта была крайне неприятной и занимала ее добрых полчаса, после чего она ощутила в своем теле некую тягучесть, доказавшую ей, что когда-то она умела танцевать.

Соседка, девушка в оранжевых шортах и голубой блузке, время от времени поглядывала на нее.

– Черт! А у тебя здорово получается. Как ты это делаешь?

Она попыталась исполнить па, но чуть не упала. Манхэттен терпеливо продемонстрировала ей движение. После нескольких попыток девушке в оранжевых шортах удалось повторить.

– Насколько проще, когда объясняют. Я Лорен Дэрриг.

– Манхэттен Балестреро.

– Видно, что ты профи. Тоже ищешь работу?

⁶⁸ Гуляю со своей малышкой, Я не могу ошибиться. Потому что я прав... Великий день может быть сегодня! (англ.).

– Э-э... Танцевать в шоу, ты хочешь сказать?

– Требуются девушки в «Бинго Фламинго», казино на Бродуолке. Достаточно иметь длинные ноги. Но если ты танцуешь лучше других, можешь отхватить солидный номер.

Манхэттен поблагодарила ее, но покачала головой. Она недолго пробудет в Атлантик-Сити. Лорен пожала плечами.

– Ты танцуешь лучше, чем все мы здесь. Жаль.

Когда сеанс закончился, Манхэттен побежала в душ. Она заплатила десять центов, добавила еще пять за крошечный кусочек мыла. Долго стояла под струями, потом вытерлась, оделась и вскоре снова оказалась на дощатом променаде.

Искать ей не пришлось: огромное здание «Бинго» невозможно было пропустить. Мигающие неоновые огни слепили Бродуолк на ярком солнце. Натренированный глаз Манхэттен сразу выцепил служебный вход в торце.

Не дав себе времени поразмыслить, передумать или просчитать варианты, она толкнула дверь и вошла.

16. Just in time⁶⁹

– Видишь два кипариса вон там? – сказала Хэдли. – Библиотека сразу за ними.

Она быстрее покатила кресло по тротуару, и Лизелот помогала ей как могла, вращая колеса своими маленькими ручками. Люди расступались и оборачивались на это торнадо в миниатюре. Некоторые качали головами с жалостливыми гримасами. Дамы осеняли себя крестом.

Они задели на полном ходу широкий зад прохожего, и тот обернулся с сердитым видом, уже открыв рот, чтобы отругать сорванца, который... Увидев кресло на колесах, он проглотил отповедь и лишь дернул адамовым яблоком.

– Эти идиоты! – воскликнула Лизелот, сотрясаясь от смеха в своем кресле. – Эти идиоты ничего не смеют мне сказать! Я бы им такое ответила!

– Что, например?

– Толстая бочка! Кроманьонец! Кретин из Арканзаса! Червяк! Мокрое тесто! Баржа-плоскодонка! Вонючий скунс!

– Библиотечная крыса! – подхватила Хэдли. – Вот мы и пришли. Лизелот, дорогая, в таких местах не рекомендуется громко кричать.

Прежде чем войти в скромную библиотеку Джин Уэбстер, Лизелот пожелала объехать здание.

⁶⁹ Точно в срок (англ.).

Они полюбовались садиком, за которым старательно ухаживала миссис Чандлер, библиотекарьша. Сейчас, в начале весны, он расцвел ослепительным хоралом желтого – форзиции, нарциссы, жонкили.

– Пионы еще прячутся в своих зеленых шариках, – послышался голос миссис Чандлер с порога. – Они ждут мая для своего звездного выхода.

Хэдли невольно подумала, что звездой была миссис Чандлер. Она шла к ним – высокие каблуки, помада, очки-бабочка. Она протянула Лизелот руку. Девочка как будто оробела. Из-за ее пламенеющего корсажа? Корсажи миссис Чандлер всегда были такие же яркие, как и ее губная помада. Сегодняшний, хлопковый, был ярко-абрикосового цвета в пурпурных зажигалках с оранжевыми язычками пламени. Не такой Лизелот представляла себе библиотекарьшу.

– Тебе понравились романы, которые Хэдли принесла в прошлый раз?

Девочка взяла сумку, висевшую на ручке кресла, достала из нее книги.

– Я их все прочла, – сказала она. – Они *бриошные*.

– Бриошные, – повторила миссис Чандлер. – Очень хорошо.

Хэдли объяснила, что на языке Лизелот *бриошный* – синоним превосходного. *Бисквитный* же означал прямо противоположное.

– Понятно, – сказала миссис Чандлер очень серьезно. –

Мы с братом тоже изобрели наш собственный язык. Родители ничего не понимали, когда он звал меня *песть ерсики*.

– Что это значит? – спросила Лизелот, заинтересовавшись и больше совсем не робея.

– *Песть ерсики*? О... Просто-напросто есть персики.

Смеясь, они вошли в библиотеку. Миссис Чандлер заранее положила доску на ступени крыльца.

Библиотека Джин Уэбстер была скромной, и ходили в нее в основном жители этого уголка Гринвич-Виллидж. Но Лизелот онемела от восторга. Километры полок! Полки с книгами! До сих пор ноги ее, вернее колёса, не вступали в такие края! Она даже представить себе не могла места, посвященного исключительно книгам.

Ее оставили у полок с книгами для детей и юношества. И время от времени оттуда слышался смех и радостное «*бриошно!*».

– Я так рада, что вы пришли с ней, – сказала миссис Чандлер, закончив с девушкой, взявшей четыре романа Эллери Квина. – Вы сегодня не работаете?

Хэдли неопределенно покачала головой, не признавшись, что закрыла раньше времени киоск с блинчиками и содовой на 7-й авеню, в котором работала днем. Она помчалась в «Кьюпи Долл», чтобы забрать Лизелот, предупредив ее отца, мистера Акавива.

Когда она вошла, мистер Акавива, по своему обыкновению, надрывался в телефон.

– Я заказал вам барные стулья! – гремел он. – Не трехфутовые сидушки! Хэдли... что вы здесь забыли?

Она хорошо его узнала за все то время, что была такси-гёрл в его заведении. Этот славный малый заботился как мог о дочери-калеке, сияясь выкричать свой гнев на весь свет.

– Я пришла забрать Лизелот, – ответила она.

– Боже мой! Конечно... Вы знаете, где она. Спасибо! – добавил он и снова заорал в трубку.

«Кьюпи Долл» еще не открылась в этот час. Было странно пройти в сумраке огромного пустого зала, где она топталась столько тягостных ночей... Она быстро забрала Лизелот и покатила кресло по разбитому асфальту Гринвича.

– Надо будет прийти еще, – сказала миссис Чандлер: Хэдли не пришлось ей ничего объяснять, она и так поняла, что их визит был скорее бегством.

Хэдли молча улыбнулась.

– Огдену очень понравился альбом с опоссумом, – вспомнила она. – Я выберу для него еще один того же автора.

Она отошла к уголку для самых маленьких, где в коробке, окруженной подушками, лежали альбомы. По дороге ей встретилась Лизелот, та возвращалась со стопкой книг на коленях, хмуря брови.

– Я так и не нашла «Крошку Доррит», – проворчала она. – Перерыла всю полку Д.

Она подъехала к стойке миссис Чандлер и потребовала

«Крошку Доррит».

– Господин, который ее взял, так до сих пор и не вернул? Библиотекарша покачала головой.

– Увы. Давненько я его не видела. А ведь раньше он приходил регулярно.

Миссис Чандлер терпеть не могла звонить читателям, которые задерживали книги сверх срока. Да она и не делала этого никогда. Она слишком хорошо знала, что некоторые книги требуют больше трех недель. Что, бывает, хочется их перечитать, едва перевернув последнюю страницу. Что иногда мука мученическая с ними расставаться. Никогда за всю свою жизнь библиотекарши она не выписала читателю штраф. Если книга исчезала, она, втайне радуясь, заключала, что ее слишком полюбили, и заказывала новый экземпляр.

Но перед разочарованным личиком Лизелот, ее детским горем снисходительность миссис Чандлер дала трещину.

– Подожди секунду, – сказала она девочке.

Библиотекарша скрылась в крошечном кабинетике, полном книг, которые еще не расставили, не расклассифицировали и не проштемпелевали. Стеклянную дверь она за собой закрыла.

Со вздохом миссис Чандлер посмотрела на телефон и стала искать формуляр в деревянном ящичке. Она помнила всех своих читателей, даже если зачастую ничего не знала об их жизни. Господина, похожего на Эйнштейна, читавшего только любовные романы. Маленькую старушку с ласковыми

глазами, опустошавшую полки с триллерами и жаловавшую «крутых» авторов. Девочку- подростка, которая приезжала из Бронкса каждый четверг, чтобы погрузиться в комиксы и фантастические романы... Она знала всех.

Он, молодой человек с «Крошкой Доррит», был блондином с руками пианиста. По всей вероятности, артист, меланхоличный, никогда не говоривший о себе. А между тем они часто беседовали. Арлан Бернштейн любил авторов, дорогих сердцу миссис Чандлер.

Вздыхнув в третий раз, она решилась набрать номер, записанный в формуляре. Один за другим раздались пять гудков. Она хотела уже повесить трубку (снова вздохнув, на этот раз с облегчением), как вдруг... – Алло?

Она узнала его по одному этому слову.

– Мистер Бернштейн? – сказала она своим ласковым голосом. – Миссис Чандлер из библиотеки Джин Уэбстер.

– Миссис Чандлер, здравствуйте! Какой приятный сюрприз... Я был уже за дверью, вернулся...

Он сразу все понял.

– Это по поводу книг?.. Мне искренне жаль, миссис Чандлер. Моя задержка непростительна. Я много работаю. Надо было прийти раньше, признаюсь, совершенно вылетело из головы.

– Не переживайте, мистер Бернштейн, – сказала она любовно. – Я бы не стала вам звонить, но у меня тут маленькая девочка, которая мечтает прочесть «Крошку Доррит» уже...

довольно давно. Я не хочу на вас давить, если вы не можете прийти, я...

– Вы не давите на меня, миссис Чандлер. Это я создаю вам хлопоты, мне нет прощения. Сейчас у меня срочное дело, но я могу зайти после. У меня будет время. Могу я зайти? Библиотека будет открыта?

– Да, – ответила миссис Чандлер, совершенно убитая своей ролью жандарма. – Но я так понимаю, что вы куда-то собирались... Приходите завтра.

– Мне надо уладить одну нелепую проблему сегодня до вечера. Глупость... правда, необходимая. Но это займет всего несколько минут. Я приду сразу после.

– Какой вы ангел, – сказала она, радуясь за малышку и печальась за него. – Если бы не ради этого ребенка...

Он отключился. Торопится, бедный мальчик. Миссис Чандлер, мучаясь угрызениями совести, вздохнула, положила трубку, снова вздохнула. Она вышла из кабинета и застала Лизелот и Хэдли за изучением журналов на стойке.

– Он придет. Молодой человек с «Крошкой Доррит», – уточнила она, улыбаясь.

– Вау! Бришно!

– Это тот, у кого, по-вашему, руки пианиста? – вспомнила Хэдли.

– Вряд ли он пианист, – сказала миссис Чандлер, еще сконфуженная. – Я вечно сочиняю истории про людей, которые приходят сюда.

– Романы заразительны, – пробормотала Хэдли.

– Я попрошу его давать мне уроки фортепиано, – заявила Лизелот. – Можно же попросить об услуге того, кто заставил вас долго ждать, правда?

* * *

С рассвета Шик дважды приняла ванну, несколько раз красила и перекрашивала все ногти, которые дала ей природа. Она заранее освежила горизонтальную линию челки у Амедео, парикмахера с Мэдисон-авеню, выпила три литра чая, чтобы не есть и сохранить плоский животик.

Она много раз подряд слушала популярную песню Перри Комо, что бы расслабить нервы (но это, кажется, производило обратный эффект) и не издавать дурацкий крик каждые пять шагов. Отсутствие Манхэттен было благословением, комната, которую они делили, целиком принадлежала ей!

Сегодня вечером! Скоро! То есть через три часа. Нет, два часа и сорок семь минут.

Она все-таки закричала – и даже во всю силу легких, – когда начала колотить в двери соседок.

– Эчика! Можно одолжить твою золотую сумочку?

В следующую:

– Урсула, мне непременно нужна шляпка, которую тебе одолжила Манхэттен! Та, что похожа на большую ракушку.

Она идет мне куда больше, чем ей, только не говори ей этого, пожалуйста.

И снова назад:

– Эчика! Захвати мне заодно пару чулок...

Эчика и Урсула высунули из-за дверей удивленные мордочки.

– Ты готовишься к вечеру? Уже?

– У тебя же сначала дефиле у Дакена?

– ...и твои лайковые перчатки, – закончила Шик, не переводя дыхания. – Да, да, мне надо бежать на дефиле. Презентация на полчаса для патронессы с Лонг-Айленда. Но я никак не успею вернуться сюда, так что все беру с собой. Оденусь и покрашусь у Дакена и – фьють! – побегу напрямиком на свидание.

– Вау, – вздохнула Урсула. – Какой замысловатый план. Если ты так раскидываешь мозгами, значит, встречаешься как минимум с Ротшильдом?

– Какое платье, Золушка? – спросила Эчика. – Если хочешь, есть мое розовое с плиссе, имитация Мадам Гре.

Шик энергично замотала головой.

– Мое белое с желтым корсажем?

Шик снова отказалась.

– Я ще-голь-ну безумием, которого вы никогда не видели.

– Показывай быстро!

– Оно не здесь.

– Ты нас не разорила, надеюсь?

– Я его не покупала, – сказала Шик с таинственной улыбкой. – И никогда не куплю.

– Вот беда-то! Но ты точно не делаешь ничего такого, чего не одобряет американская мораль?

– За шоколадное мороженое, может быть, и сделала бы. Но не за иллюзию.

– Ты так возбуждена, ни дать ни взять дебютантка перед первым балом, – ввернула Эчика.

– Что-то в этом роде, – пробормотала Шик, мечтательно проводя пальцами по своим коротким темным волосам. – Первый бал, да, в каком-то смысле... Черт, я растрепалась!

Девушки переглянулись – шлем Шик растрепать было невозможно. Она метнулась в ванную, а подруги исчезли и минуту спустя появились вновь, нагруженные шляпкой-ракушкой, золотой сумочкой, чулками и перчатками.

– В этом доме, – заметила Эчика, – когда одна девушка выходит в город...

– ...остальные начинают походить на колонию nudистов! – закончила Урсула.

Сделав это старое как мир открытие, они ворвались в ванную без стука. Шик смывала рубиново-красный лак, которым покрыла ногти час назад. Со вчерашнего дня она ходила исключительно с поднятыми руками.

– Это так важно? – поинтересовалась Урсула.

– Мы знаем эту редкую птицу? – рискнула Эчика.

Удивительное дело, Шик не нашлась с колким ответом. Ее

спас телефон, вдруг залившийся внизу. Но грудь ее тотчас сжало как в тисках. Она уставилась на свой флакон с лаком, как будто он замышлял каверзу.

Наверняка это он, Уайти, звонит, чтобы отменить свидание. Она продолжала заниматься ногтями, но перестала дышать.

– Телефон! – взревела Истер Уитти из недр холла.

– Кого? – гаркнула Урсула.

– Кого, по-вашему?.. Мисс Фелисити, кого же еще.

Шик стерла остатки лака, бросила красную ватку в ванну и спустилась по лестнице с такой неохотой, как будто внизу ее поджидала гремучая змея.

Истер Уитти бросила телефон на произвол судьбы. Трубка качалась на витом шнуре, как акробатка на трапеции, покинутая партнером.

– Алло?

Это действительно был он.

– Фелисити, наконец-то! – воскликнул он. – Я уже думал, что телефон сорвался со своей подставки и ушел погулять. Послушайте, Фелисити...

Вот это и волновало ее в Уайти. Эти нелепицы, которые он говорил. Гуляющий телефон... Только с него станется измыслить такие безумные небылицы.

– Я хотел сделать вам сюрприз, но ничего не поделаешь... Фелисити, это так глупо, я просто не решаюсь вам сказать!

Она ждала молча, не в силах произнести ни слова, к гла-

зам подступали слезы. Драгоценная тушь растечется... И она вместе с ней. Сейчас Уайти скажет ей, что вечер отменяется. Останется только смыть макияж, принять аспирин и лечь.

– Простите? – выдохнула она после потока фраз, из которых ровным счетом ничего не слышала.

– Фелисити... Вы не слушали!

– На линии... помехи.

– Вы мне нужны, вы должны мне помочь. Помочь мне *непрерывно*, слышите? Я как колода. Зайдите ко мне, прежде чем ехать туда.

– Куда туда?

– Да в «Сторк» же! Я вам только что объяснил. Бенни пришлось уйти по-быстрому, надо было помочь его брату Биксу в пиццерии, а я рассчитывал на него, чтобы...

– Бенни? Бикс?

Она услышала, как он дважды вздохнул.

– Бенни, мой сосед с третьего этажа. Он меня подвел. Ладно, повторю вкратце, – продолжал он терпеливо. – Ни один из моих галстуков недостаточно шикарен для «Сторка», меня просто выставляют. Единственная бабочка, которая у меня есть, развязана. Эта штука плоская, как камбала... *Сполудня я кружусь вокруг этой штуки, как осел вокруг пишущей машинки!* Вы умеете завязывать галстук-бабочку, Фелисити?

– Д... да, – пролепетала она. – Да, да! О Уайти...

Наконец она все поняла! Вечер, *их вечер* (о боже... клуб «Сторк»!) не отменяется, но прежде она должна зайти к

нему и завязать этот окаянный галстук. Все ведь ясно, не так ли?

– Мы вместе пойдем в «Сторк». Но, ох, Фелисити... Сначала мне надо заскочить в библиотеку, это в Гринвиче. Я оставлю ключи у миссис Буш, моей квартирной хозяйки. Подождите меня, если я задержусь. Я поспешу, Фелисити. Так я рассчитываю на вас?

Он частил, но на этот раз она уловила нить.

– Я зайду, – пообещала она. – Я...

– Да?

– До вечера, Уайти.

Разумеется, она встретила неизбежную Истер Уитти. Та бросила на нее подозрительный взгляд.

– В форме лучше некуда, как я погляжу.

Шик исполнила ей на бис свой разнузданный чарльстон на трех ступеньках, насвистывая *Ain't she sweet? When she's walking down the street...*⁷⁰

– Вы дадите мне адрес вашего ревматолога, пока он не помер? – проворчала Истер Уитти.

⁷⁰ Разве она не мила? Когда она идет по улице... (англ.).

17. Missing you⁷¹

Миссис Чандлер угостила их горячим шоколадом собственного приготовления в крошечном кабинете, распушем от книг. Она то и дело ходила туда-сюда, чтобы заняться читателями: в библиотеке в этот час окончания рабочего дня был большой наплыв.

В минуту затишья миссис Чандлер выглянула и окинула взглядом улицу, но тщетно. Она вернулась в кабинет, где Лизелот и Хэдли уже опустошили свои чашки.

– Мне жаль, – сказала миссис Чандлер. – Его все нет.

– Хватит вам докучать, мы уходим, – решила Хэдли, вставая. – Я должна до работы в «Сторке» забрать Огдена у няни и приготовить ужин...

Миссис Чандлер до сих пор не знала, что Хэдли работает по вечерам в клубе «Сторк». Она молча кивнула, ни о чем не спросив. Лизелот, погруженная в приключения Рипа Кирби⁷², едва повела ухом.

– Я вернусь за книгой и принесу ее тебе, – добавила Хэдли, обращаясь к ней. – Лишний день или два ничего не из-

⁷¹ Скучаю по тебе (*англ.*).

⁷² «Рип Кирби» – американский комикс 1946–1999 годов, созданный Алексом Рэймондом и Уордом Грином и изображающий приключения частного детектива Рипа Кирби. Издающаяся пять десятилетий серия находилась в руках писателя и художника Джона Прентиса более сорока лет.

меняют, правда?

Миссис Чандлер приподняла занавеску на окне, чтобы последний раз выглянуть на улицу, и, поморщившись, опустила ее. Хэдли надела пальто, одела Лизелот и тепло пожала руку библиотечарше.

– Мне жаль, – повторила та. – У него было важное дело, наверно, возникли осложнения. Он казался таким серьезным, это на него непохоже... Конечно, Лизелот, ты можешь взять «Рипа Кирби». В библиотеке есть второй экземпляр.

С порога библиотечарша смотрела, как девочка машет ей рукой, пока Хэдли катит кресло по аллее.

– Сверните направо! – крикнула им миссис Чандлер. – Так быстрее выйдете на проспект. Я хожу этой дорогой к метро.

Улыбки Хэдли и Лизелот вскоре скрылись за углом. Миссис Чандлер еще постояла на узком крыльце, глядя на свой садик. Она вздрагивала, чувствуя себя немного пришибленной. И разочарованной.

Она убрала с крыльца доску и поспешила к стойке, где уже ждали четыре человека.

– Я не смогла дочитать эту книгу, – сказала первая в очереди. – А ведь в ней не так много страниц.

Эта читательница не любила толстых книг. За ней последовала та, что питала слабость к обложкам с фотографией автора, *потому что нелишне знать, как выглядит тот, кто рассказывает историю*. Потом две школьницы, читавшие одни и те же романы; они часто устраивались вместе за сто-

лом и переворачивали страницы дуэтом. Потом...

– Мистер Бернстайн! – ошеломленно воскликнула она.

Он смиренно ждал своей очереди. Его светлые волосы были взъерошены. Он бежал.

– Я боялся, что библиотека закроется! – сказал он. – Никак не мог прийти раньше, я увяз в прискорбной истории с галстуком, проблема до сих пор не решена! Я хотел...

– Девочка вас ждала, – ответила библиотекарьша с ноткой укоризны, повергшей его в растерянность. – Так глупо, всего десять минут назад...

– Ждала? Вы этого не сказали, миссис Чандлер. Бедный ребенок, если бы я знал... Извините, я очень хотел прийти до закрытия, но...

Он похлопывал себя по щеке, раздосадованный, взволнованный. Взгляд красивых серых глаз миссис Чандлер смягчился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.